

ФАКТОР СОВЕТСКОЙ УГРОЗЫ В ПОЛИТИКЕ АДМИНИСТРАЦИИ ДЖ. КАРТЕРА В ИРАНЕ (1978–1981)

ВАЛЕРИЙ ЮНГБЛЮД
АЛЕКСЕЙ СЕННИКОВ

Вятский государственный университет, Киров, Россия

Резюме

Революция в Иране 1978–1979 годов серьёзно ударила по позициям США на Ближнем и Среднем Востоке и нанесла ущерб репутации Вашингтона «в третьем мире». Американское руководство было склонно винить если не во всей ситуации, то как минимум в её эскалации «руку Москвы». Антисоветская пропаганда в американских СМИ и алармистский настрой политического руководства страны стали ещё более выраженными после ввода советских войск в Афганистан в конце декабря 1979 года. В совокупности указанные обстоятельства способствовали началу нового витка биполярной конфронтации, а также реанимации штампов о «неминуемости советской угрозы» и «природном экспансионизме русских». Советское руководство тем временем было заинтересовано в поощрении иранских властей к продолжению антиамериканского курса, но не имело захватнических устремлений в отношении Тегерана. В Москве опасались вторжения Соединённых Штатов в Иран и расширения присутствия американских вооружённых сил в регионе Персидского залива. На основе документов Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ), а также доступных опубликованных и оцифрованных источников государственных и разведывательных структур США в статье показано, что восприятие СССР как угрозы было важным элементом политики администрации Картера. Обосновываются выводы о том, что 1) разрабатываемые в течение острой фазы кризисного периода планы отражения потенциально-го советского вторжения в Иран выходили далеко за пределы регионального противостояния; 2) ведущую роль в разработке концептуальных рамок восприятия советской угрозы и подготовки вариантов ответа на этот вызов принадлежала советнику президента по национальной безопасности 36. Бжезинскому, выдвинувшему в сентябре 1980 г. идею горизонтальной («географической») эскалации; 3) страх советской угрозы в США оказался более значимым, чем фактор исламского фундаментализма. Политический потенциал режима Хомейни изначально недооценивался. Идеологическая цельность, самодостаточность и цивилизационная амбициозность радикального политического ислама должной оценки не получили.

Ключевые слова:

американо-иранские отношения; советский фактор; революция в Иране; кризис с заложниками 1979 года; холодная война; ближневосточная периферия «холодной войны»; Дж. Картер; 36. Бжезинский

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 22-78-10179, <https://rscf.ru/project/22-78-10179/>

Дата поступления рукописи в редакцию:

Дата принятия к публикации:

Для связи с авторами / Corresponding author:

Email: valerteod@gmail.com

В середине 1990-х годов состоялось несколько важных американско-российских симпозиумов, во время которых ветераны международных батальонов вместе с историками и международниками пытались разобраться в событиях недавнего прошлого. Предметом обсуждения были годы президентства Джеймса Картера (1977–1981), отмеченные свёртыванием разрядки¹. Организаторы симпозиумов выбрали для дискуссии благоприятное время: только что закончилась «холодная война», события которой ещё были свежи в памяти. Не связанные служебными и идеологическими ограничениями, недавние министры, дипломаты, высокопоставленные чиновники свободно обменивались мнениями, полемизировали и раскрывали обстоятельства принятия многих решений, к обсуждению или исполнению которых были причастны. Одним из важных признаний стал тезис о том, что разрядка, с которой связывались надежды на завершение конфронтации сверхдержав, «не затронула базовых элементов “холодной войны”». Более того, она обострила соперничество Москвы и Вашингтона в «третьем мире» [Global Competition 1995: 27].

Государственный секретарь в администрации Картера Сайрус Вэнс вспоминал, что с первых же дней команда президента принялась составлять «список имеющих отношение к третьему миру проблем, при решении которых ... можно было бы вместе с Советским Союзом работать над установлением в будущем более мирной атмосферы» [Global Competition 1995: 28–29]. Судя по переговорам Картера и Вэнса с советским министром иностранных дел А.А. Громыко в 1977–1978 годах, такой список был составлен, но обращение к нему всякий раз вызывало не снижение, а рост напряжённости. В сентябре 1977 года, принимая министра иностранных дел СССР, прези-

дент США попытался заговорить о южно-африканских государствах — Намибии, Зимбабве, Родезии и Анголе.

Он наткнулся на решительный и наступательный настрой А. А. Громыко, категорически отрицавшего причастность Москвы к происходившей в тот момент борьбе за власть и влияние на постколониальном пространстве: «У нас нет в этом районе никаких баз». Советский представитель указывал на объективный и не зависящий от СССР процесс распространения марксизма в Африке: «Если там ощущается влияние нашей идеологии, так кто же вообще может воздвигнуть барьеры на пути любой идеологии». Одновременно он предъявлял США обвинения во вмешательстве в дела этих государств: «Чей персонал поддерживает антиангольское движение, которое базируется в Заире?»². Впоследствии тема «третьего мира» поднималась на переговорах неоднократно и почти всякий раз с тем же результатом. Тем временем в Вашингтоне пополняли список новыми пунктами — Мозамбик, Эфиопия, Сомали, Никарагуа, Иран, Афганистан...

События в этих государствах для Вашингтона были тревожным сигналом. Социализм наступал, из чего следовала привлекательность советской модели развития для многих стран. В соперничестве с социализмом позиции США становились всё слабее. Из Москвы поступали сигналы, всецело подтверждавшие такие выводы. И на высоком партийно-государственном уровне, и в открытой печати приветствовались победы антиимпериалистических сил по всему миру, свидетельствовавшие о том, что «социалистическая ориентация (или — что фактически то же самое — некапиталистический путь развития), бесспорно, перестала быть теоретической гипотезой» [Ульяновский 1979а: 116].

¹ В силу неоднозначности и дискуссионности понятия «разрядка», целесообразно сразу указать, в данной работе мы используем его в том значении, которое ранее уже было представлено на страницах «Международных процессов» [Юнгблюд, Ильин 2023: 77–78].

² Запись основного содержания беседы А.А. Громыко с президентом США Дж. Картером, Вашингтон, 23 сент. 1977 // Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 89. Оп. 71. Д. 9. Л. 78–79, 88–89.

Появление Ирана в списке проблемных стран «третьего мира» имело особое значение. Эта страна несколько десятилетий фактически контролировалась США, считалась союзником, опорной базой американского влияния в регионе Персидского залива и на всём Ближнем и Среднем Востоке. Сам факт антиамериканской направленности массовых выступлений и последующего изгнания США из экономики и политической жизни Ирана был для Вашингтона исключительно болезненным. Создавался прецедент, который мог показаться привлекательным для других государств. Психологический ущерб казался не менее разрушительным: после бесславного завершения войны во Вьетнаме уход из Ирана казался оглушительным провалом³.

Включая иранское досье в свою повестку по вопросам стран «третьего мира», администрация Картера оценивала происходящее в контексте противостояния с Москвой. Бинарность мышления побуждала искать факты советского участия на всех стадиях иранской революции. Восприятие СССР как угрозы становилось важным фактором политики Вашингтона, который учитывался наряду с другими. Речь идёт как о глобальных⁴, так и о региональных⁵ процессах. Советское влияние на политическое планирование в Вашингтоне является непосредственным предметом настоящего исследования, в ходе которого содержание и результаты воплощения в жизнь планов администрации Картера будут соотнесены с политикой СССР в Иране в 1978–1980 годы.

В 1980-х годах советские историки по горячим следам опубликовали ряд работ, в которых акцентировался агрессивный характер политики Вашингтона, отмечалась стабилизирующая роль Москвы, а руководству США вменялся упрек в преднамеренном нагнетании антисоветских фобий ради оправдания экспансионистских планов

[Агаев 1986; Иранская революция... 1989; Кременюк 1984]. В конце XX – первые десятилетия XXI века начавшаяся на Западе «архивная революция» распространилась на Россию и большинство государств Восточной Европы. Изменение международного климата и обогащение источниковой базы повлияли на проблематику научных исследований, корректировку традиционных и разработку новых методологических подходов. Появились работы, посвящённые различным аспектам советско-американских и американо-иранских отношений, влиянию афганского фактора на события в Иране, причинам и последствиям революции 1978–1979 годов, роли государственных деятелей и дипломатов, принимавших участие в событиях тех лет [Воробьёва, Юнгблуд 2019; Исламская революция в Иране 1999; Лукоянов 2010; Муртазаева 2012; Федорова 2004; Хазанов, Олимпиев 2015, 2017; Becoming Enemies 2014; Bowden 2007; Emery 2013; Gaillard 2007; Glad 2009; Herring 2017; Murray 2010; Saikal 2010; Sargent 2015; Strong 2000; Vaïsse 2018].

Обновлению методологического инструментария и исследовательской повестки способствовал выход в свет «Системной истории международных отношений» под редакцией А. Д. Богатурова. В этой работе с позиций системно-структурного анализа были рассмотрены региональные проявления кризиса Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений [Системная история 2003]. Появление этого труда открыло дополнительные возможности для осмысления в междисциплинарном ключе соотношения геополитических, идеологических, экономических и культурно-цивилизационных факторов «холодной войны» в интересующий нас период.

Сложившиеся представления о политике США в отношении Ирана в 1970–1980-х годах во многом определяются достижениями учёных, работавших в русле «новой

³ Чем он фактически и являлся.

⁴ Упадок разрядки, борьба за влияние на периферии «холодной войны».

⁵ Окончательное оформление исламского фундаментализма, особенности развития международных отношений на Ближнем и Среднем Востоке.

истории «холодной войны». Для этого направления характерны повышенное внимание к архивным документам, интернационализация исторического знания, отход от бинарного восприятия исторического процесса, распространение исследовательского поля на «третий мир», новое прочтение роли идеологических инструментов в борьбе сторон за лидерство на периферии «холодной войны» [Зубок 2011; Печатнов, Маныкин 2012; Asinovskiy 2022, 2024; Friedman 2018, 2021; Haslam 2011; Kalinovsky 2015; Westad 2007].

При всём разнообразии созданного историографического материала, не была всесторонне изучена динамика восприятия американскими дипломатами и разведчиками роли СССР в иранских событиях и разрабатываемых ими мер противодействия «советской угрозе». Перед историками по-прежнему стоит ряд важных вопросов: как аналитические центры и ответственные за принятие решений в области внешней политики органы исполнительной власти, прежде всего Государственный департамент, Совет национальной безопасности (СНБ) и разведка, оценивали причины революции в Иране и роль Советского Союза в углублении кризиса в 1978–1981 годах? Насколько адекватными были эти оценки? Какие планы противодействия Москве разрабатывались в Вашингтоне? Для ответа на эти вопросы следует обратиться к американским документам, рассматривая их в комплексе с советскими источниками периода.

В статье использованы фонды Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ), опубликованные и оцифрованные материалы Государственного департамента США, Центрального разведывательного управления (ЦРУ), Совета национальной безопасности (СНБ), президентской библиотеки Дж. Картера (JCPL). Хотя была проведена колоссальная

работа по обогащению источниковой базы исследований по данной проблематике, рассекречивание фондов, в том числе американских, далеко от завершения. Источники, связанные с администрацией Картера и предназначенные для включения в ряд томов собрания документов Государственного департамента “*Foreign Relations of the United States*”⁶, всё ещё не рассекречены. Более того, изданные недавно IV (2024), VI (2013), XI, ч. 1 (2020), XII (2018) тома имеют множественные купюры. Тем не менее корпус новых, пока должным образом не освоенных историками источников значителен.

Развёрнутые комментарии ключевых документов, ретроспективные оценки собственных решений и поведения главного противника, сопоставление базовых подходов сверхдержав к формулированию ответов на вызовы иранской революции содержатся в протоколах симпозиумов с участием ветеранов «холодной войны», состоявшихся в США (Форт-Лодердейл, Флорида) [Global Competition 1995] и Норвегии [The Intervention in Afghanistan 1996] соответственно в марте и сентябре 1995 года. Многие участники затрагиваемых в настоящей статье событий — государственные деятели и дипломаты — опубликовали воспоминания и дневники, для которых характерны обычные для источников личного происхождения черты: субъективность оценок, избирательность в отборе фактов и индивидуальный эмоциональный фон. Достоинства этих документов также бесспорны. Запечатлённый на бумаге личный опыт, как правило, в сочетании с источниками других видов, помогает восстановить обстоятельство появления отдельных решений и определить степень личного участия конкретных деятелей в процессе их принятия⁷ [Brzezinski 1983; Carter 1982; Eizenstat 2020; Jordan 1982; Sick 1985; Vance 1983; Александров-Агентов

⁶ В том числе и по Ирану, т. X и вторая часть т. XI.

⁷ Черняев А. Советская политика 1972–1991 гг. — взгляд изнутри. Проект. 1978 год // National Security Archive. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/25151-document-7-dnevnik-aschernyaeva-za-1978-god> (дата обращения: 24.05.2024); Черняев А. Советская политика 1972–1991 гг. —

1994; Брутенц 1998; Виноградов 2016; Гриневский 2000; Громыко 1988; Добрынин 1996; Корниенко 1994; Кузичкин 2023; Синицин 2015; Шебаршин 2018].

Отбор источников и историографический основы, а также общий ракурс настоящего исследования определены в соответствии с методологическими установками «новой истории “холодной войны”» — многофакторностью, мультиархивностью, интернациональностью и системностью. Главным инструментом препарирования документальной базы избран метод историко-динамического анализа, позволяющий проследить трансформацию восприятия администрацией Дж. Картера иранской революции, эволюцию оценок роли СССР в эскалации революционного кризиса и формулирование стратегических задач американского правительства, соответствующих новому этапу «холодной войны» на региональном и глобальном уровнях.

Американский взгляд на роль СССР в иранских событиях в 1978 – октябре 1979 года

Со времени иранского кризиса 1945–1946 годов для Вашингтона шахский режим был важным элементом противодействия Советскому Союзу на Ближнем и Среднем Востоке [Emery 2013: 2; Strong 2000: 47]. К моменту прихода к власти президента Дж. Картера (1977–1981) Иран уверенно шёл по пути вестернизации, выдвинувшего его в число наиболее развитых в индустриальном и военном отношении государств региона. «США и Британия, считая Иран союзником, поощряли правительство шаха играть ведущую роль в зоне Персидского залива», — отмечается в «Системной истории международных отношений» [2003: 404].

Экономический динамизм этой страны в 1970-х годах обеспечивался не только

притоком нефтедолларов, укрепивших финансы, но и разрядкой международной напряжённости. Иран, имея статус главного стратегического партнёра Соединённых Штатов на Среднем Востоке, пошёл на подписание договоров о строительстве крупных промышленных и инфраструктурных объектов с СССР. На пике детанта такая практика была широко распространена в отношениях Москвы с европейскими союзниками Вашингтона, но для стран «третьего мира» она была скорее исключением из правила. Расширение советского присутствия вызывало обеспокоенность у Вашингтона, но до тех пор, пока Москва не пыталась преобразовать экономические отношения в рычаги политического влияния, сложившийся расклад считался приемлемым.

Приход к власти в США Демократической администрации, сохранившей установку на продолжение курса разрядки, но склонной к существенной корректировке приоритетов и методов внешней политики, стал серьёзным вызовом для советско-американских отношений на Среднем Востоке. Ситуация осложнялась тем обстоятельством, что смена караула в Белом доме по времени совпала с восходящей фазой обострения общенационального кризиса в Иране. В таких условиях восприятие Советского Союза как партнёра в деле снижения международной напряжённости и глобального оппонента в борьбе за влияние на страны «третьего мира» во многом зависело от взглядов и политического опыта руководящих членов администрации.

В области внешней политики президенту Картеру не хватало знаний и опыта [Westad 2007: 294]. Ветеран демократической партии Кларк Клиффорд, хорошо знакомый с политической кухней всех послевоенных демократических администраций США, вспоминал: «Его [Картера. — *Авт.*]

взгляд изнутри. Проект. 1979 год // National Security Archive. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/25152-document-8-dnevnik-aschernyaeva-za-1979-god> (дата обращения: 24.05.2024); Черняев А. Советская политика 1972–1991 гг. — взгляд изнутри. Проект. 1980 год // National Security Archive. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/25153-document-9-dnevnik-aschernyaeva-za-1980-god> (дата обращения: 24.05.2024).

знания о Ближнем Востоке, который так много значил для его христианской веры, были чрезвычайно поверхностными и складывались в картину, имевшую весьма отдалённое сходство с древним Вавилоном или Персией. Об исламе XX века он знал гораздо меньше, чем ему казалось, и он никогда не испытывал желания узнать больше» [Clifford, Holbrooke 1991: 636]. Другой специалист отмечал: «Сталкиваясь с тонкими проблемами просеивания национальных приоритетов через мириады противоречащих друг другу вызовов ..., он испытывал большие трудности. Под конец его добрые намерения и подлинные достижения оказались подорванными из-за отсутствия должного опыта у окружавших его людей и нежелания расширять круг советников» [Graubard 2004: 541].

Реймонд Гартхоф отмечал, что Картер, имея упрощённые представления о внешнеполитическом процессе, привлёк на ключевые должности специалистов, декларировавших желание продолжать политику разрядки, но руководствовавшихся противоположными представлениями о ней. Если помощник президента по национальной безопасности Збигнев Бжезинский «видел потребность в более сильных мерах сдерживания советской экспансии в третьем мире», то государственный секретарь С. Вэнс «склонялся к поиску путей расширения сферы сотрудничества и в меньшей степени стремился найти способы сдерживания СССР» на периферии биполярной системы [Garthoff 1985: 34–35; Jordan 1982: 46–47]. Конкуренция подходов проявлялась с первых месяцев пребывания администрации Картера у власти. На иранском направлении их столкновение проявлялось особенно остро и со временем привело к формированию противоборствующих групп – «голубей» (сторонники Вэнса) и «ястребов» (сторонники Бжезинского).

Разногласия между государственным секретарём и помощником президента по

национальной безопасности проявились уже в начале 1978 года. Одним из источников постоянно усиливающейся напряжённости в их отношениях стало принятое в самом начале президентского срока решение Картера передать ЦРУ из-под юрисдикции Межведомственного комитета, где председательствовал Вэнс, Специальному координационному комитету (СКК) в рамках Совета национальной безопасности (СНБ). Тем самым именно к Бжезинскому переходил контроль за скрытыми операциями ЦРУ. К нему в первую очередь стекалась наиболее важная информация, что позволяло предпринимать активные шаги в отношении Советского Союза и Афганистана, о чём в Государственном департаменте могли и не знать [Brzezinski 1983: 61–62; Гриневский 2000: 237]. Данное обстоятельство во многом объясняет, почему в массиве документов по иранской тематике, включённых в официальную публикацию внешнеполитического ведомства *“Foreign Relations of the United States”*, очень высок удельный вес СНБ. В подавляющем большинстве там содержались материалы, посвящённые деликатным аспектам политики США в Иране и соперничеству с СССР за влияние в этой стране.

Ратовавшая за соблюдение прав человека, команда Картера на первых порах терпимо относилась к фактам преследования инакомыслия и подавления протестных выступлений в Иране, осознавая геополитические выгоды сохранения контроля над страной, способной играть роль регионального лидера и к тому же расположенной на южной границе Советского Союза [Gaillard 2007: 18]. На фоне начавшихся в 1978 г. в Иране волнений Вашингтон опасался роста советского влияния в Персидском заливе⁸. Актуальная в 1970-х годах тема контроля за нефтяными ресурсами увязывалась с предполагаемой угрозой блокирования Москвой и странами социалистического блока поставок углеводоро-

⁸ Doc. 94. Minutes of a National Security Council Meeting, Washington, August 15, 1978 // Foreign Relations of the United States (далее – FRUS), 1977–1980. Volume I: Foundations of Foreign Policy. P. 451.

дов на Запад. Вашингтон и его союзники в Европе опасались, что энергоносители могут перенаправляться в или через социалистический лагерь⁹ [Олимпиев, Хазанов: 31–32].

С начала революционных событий в январе до массовых выступлений в ноябре 1978 г. администрация Картера проводила курс на поддержку шаха М. Р. Пехлеви (1941–1979), ограничиваясь пропагандистскими мероприятиями без чёткого плана действий. Одд Вестад отмечает, что новый президент, приступая к своим обязанностям, стремился проводить «более моральную политику, прежде всего в отношении “третьего мира”». Вместе с тем, понимая, какой желаемый результат должен быть получен, он имел очень размытые представления о способах его достижения. В итоге Картер пришёл к выводу, что лучшим способом достичь его может стать «распространение американских идеалов» [Westad 2007: 248, 294]. Применительно к Ирану конца 1970-х годов такой подход был абсолютно неприемлем. Дело было не только в непопулярности шаха и его режима: процесс обновления национальной идентичности в эти годы практически совпал с восхождением политического ислама, возродившего идеалы шиизма. Последний был адаптирован к реалиям того времени и оказался способен противостоять любым чуждым идеологиям.

В ноябре 1978 г. из американского посольства в Тегеране в Вашингтон стала поступать информация, заставлявшая усомниться в способности иранского лиде-

ра справиться с ситуацией¹⁰ [Brzezinski 1983: 356; Carter 1982: 442; Vance 1983: 331]. Когда в январе 1979 г. революция приняла необратимый характер, США скорректировали курс и постарались направить события в русло укрепления позиций умеренного демократического правительства Шапура Бахтияра, начав в то же время искать контакты с окружением духовного лидера революции аятоллы Рухоллы Хомейни [Воробьева, Юнгблуд 2019: 6].

Революционные события оценивались с учётом возможной политики Москвы в отношении Ирана. 21 ноября 1978 г. посол США в СССР Малкольм Тун передал Генеральному секретарю ЦК КПСС Л.И. Брежневу письмо президента Картера. В нём американский лидер задавался вопросом, не означают ли некоторые пассажи из опубликованного двумя днями ранее в «Правде» интервью советского лидера¹¹ готовность Москвы вмешаться в дела Ирана¹². Повышенная тревожность президента в значительной мере была вызвана опасениями, что бездействие на иранском направлении может свести на нет остатки американского влияния в этой стране, а в крайнем случае – привести к левому перевороту и установлению про-советского режима¹³ [Bowden 2007: 142]. В это время по линии посольства США в Тегеране поступали данные, что шах всерьёз опасался возможного роста поддержки набравших силу религиозных радикалов со стороны демократических сил, включая стоявшую на позициях марксизма партию «Туде». Американская разведка

⁹ Dance of the Oil Dervishes: OPEC's sharp price increase will hurt the U.S. economy // Time. 01.01.1979. P. 58.

¹⁰ U.S. Embassy Tehran, William Sullivan, Cable to State Department, "Thinking the Unthinkable," Secret, November 9, 1978 // National Security Archive. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/18195-national-security-archive-doc-07-u-s-embassy> (accessed: 24.05.2024).

¹¹ См.: [Брежнев 1979]; Ответ Л.И. Брежнева на вопрос корреспондента «Правды» // Правда. 19.11.1978. С. 1.

¹² Doc. 160. Backchannel Message From the President's Assistant for National Security Affairs (Brzezinski) to the Ambassador to the Soviet Union (Toon), Washington, November 21, 1978 // FRUS, 1977–1980. Volume VI. Soviet Union. P. 490–491.

¹³ Doc. 99. Address by the Under Secretary of State for Political Affairs (Newsom), San Francisco, California, November 16, 1978 // FRUS, 1977–1980. Vol. I. P. 485; Doc. 100. Memorandum From the President's Assistant for National Security Affairs (Brzezinski) to President Carter, Washington, December 2, 1978 // FRUS, 1977–1980. Vol. I. P. 488–489.

считала эти опасения обоснованными, пытаясь найти подтверждение, что СССР готовится выступить в роли защитника оппозиционеров [Sick: 93, 95–96].

В ситуации неопределённости Картер поручил изучить обстановку в Иране независимому эксперту, известному дипломату Джорджу Боллу. Подготовленный к середине декабря доклад Болла предсказывал неизбежное и скорое падение режима шаха, содержал ряд рекомендаций по формированию правительства Ирана на переходный период и оценивал уровень советской угрозы исходя из сложившейся структуры двусторонних договоров этой страны с США и СССР. В документе отмечалось, что по мере нарастания антишахских выступлений заявления Кремля всё больше по смыслу «приближались к доктрине Брежнева»¹⁴. Разница заключалась в том, что на этот раз в качестве аргумента для вмешательства Москва будет ссылаться на право обеспечения своей безопасности, вытекающее не из стремления защитить завоевания социализма, а из наличия общей границы с соседней страной, а также из действия 6-й статьи советско-иранского Договора 1921 года. Последняя предусматривала возможность ввода войск в Иран «в случае возникновения угрозы границам СССР или союзных ему государств» и в случае, если «Персидское правительство после предупреждения со стороны Советского правительства само не окажется в силе отратить эту опас-

ность». В итоговой части доклада предлагалось «выявлять любые попытки СССР усилить своё влияние в Иране, противодействовать им и прорабатывать варианты сценариев действий на предмет возникновения непредвиденных обстоятельств»¹⁵. Иными словами, Болл предлагал те рекомендации, которые в Государственном департаменте уже и так выполнялись. Для этих целей С. Вэнс создал специальную группу во главе со своим заместителем Дэвидом Ньюсомом¹⁶.

Хотя общую интонацию доклада Болла нельзя назвать алармистской, возможность вмешательства СССР во внутренние дела Ирана вплоть до военной интервенции была обоснована в нём вполне предметно. Такое развитие событий стало бы, по словам Зб. Бжезинского, «наиболее крупным поражением Америки с начала “холодной войны”, способным затмить по своим реальным последствиям Вьетнам»¹⁷.

Как отмечал французский историк Жюстен Вайс, события исламской революции в Иране помощник президента по национальной безопасности препариовал методом «схематизации революционной ситуации» [Vaïsse 2018: 111]. Бжезинский, склонный создавать «всякие оси, дуги и другие геометрические конструкции» [Печатнов, Маныкин 2012: 502], сгенерировал одну из наиболее знаменитых и спорных геополитических схем второй половины XX века. Она была отражена в сенсационном заголовке номера

¹⁴ «Доктриной Брежнева» (доктриной ограниченного суверенитета) западные политики и политические обозреватели после чехословацких событий 1968 г. называли политику СССР, допускающую право вмешиваться во внутренние дела государств Варшавского договора, в том числе военным путём, с целью сохранения власти местных компартий, подконтрольных Москве. Расширительное толкование доктрины подразумевало также право на защиту «завоеваний социализма» в странах, выбравших некапиталистический путь развития.

¹⁵ George Ball, Report to President Carter, “Issues and Implications of the Iranian Crisis,” [with cover memo: “Summary Memorandum for President”], Secret, December 12, 1978 // National Security Archive. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/briefing-book/iran/2019-02-11/irans-1979-revolution-revisited-failures-few-successes-us-intelligence-diplomatic-reporting> (accessed: 24.05.2024).

¹⁶ Memorandum, Cyrus Vance to President Carter, December 26, 1978. // The Carter Administration and the Arc of Crisis Iran, Afghanistan and the Cold War in Southern Asia, 1977–1981 // Wilson Center. URL: https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/media/documents/publication/the_carter_administration_and_the_arc_of_crisis_1977-1981.pdf (accessed: 24.05.2024).

¹⁷ Doc. 106. Memorandum From the President’s Assistant for National Security Affairs (Brzezinski) to President Carter, Washington, December 28, 1978 // FRUS, 1977–1980. Vol. I. P. 514.

журнала «Тайм» от 15 января 1979 года «Полумесяц кризиса: проблемы за пределами Ирана»¹⁸. Смысл заглавия выпуска разъяснялся следующим образом: «Дуга кризиса протянулась вдоль берегов Индийского океана <...> в регионе, имеющем для нас жизненно важное значение <...>. [П]олитический хаос может быть заполнен элементами, враждебными нашим ценностям и симпатизирующими нашим противникам»¹⁹. Бжезинский имел в виду угрозу, исходившую, по его мнению, от СССР и просоветских элементов – местных коммунистов. Этот выпуск стал воплощением пропагандистской кампании, запущенной в американских средствах массовой информации ещё в октябре 1978 года [Муртазаева 2012: 85–86] и постепенно сфокусировавшейся на обвинении СССР в стремлении к оккупации Ирана, а в перспективе и других стран Ближнего и Среднего Востока.

24 февраля 1979 года, вскоре после смены власти в Тегеране, в ежедневном докладе президенту Бжезинский указывал на целесообразность ужесточения тона в отношении СССР²⁰. Он предлагал в диалоге с Москвой очертить американские интересы в регионе и выразить готовность отстаивать их силой²¹. Эту линию поддерживали влиятельные члены администрации – министр обороны Гарольд Браун и министр энергетики Джеймс Шлезингер. Настроенный на продолжение разрядки, Вэнс не разделял воинственный настрой.

Советский взгляд на события в Иране

Накануне революции советское руководство довольствовалось стабильными, предсказуемыми, хотя и далеко не доверитель-

ными отношениями с Ираном, утвердившимися ещё в середине 1960-х годов. Министр иностранных дел А. А. Громыко охарактеризовал их как «доброе соседство в условиях настороженности и солидной дозы подозрительности» [Громыко 1988: 98]. Возможно, из-за этой двойственности в отчётном докладе Генерального секретаря ЦК КПСС XXV съезду партии Иран оказался единственным государством региона, не удостоенным упоминания. Этот факт выглядел симптоматично на фоне мажорных характеристик отношений с Афганистаном, Индией, Ираком, Турцией и Египтом [Брежнев 1976].

И хотя канун революции был отмечен определённым расширением советско-иранского экономического сотрудничества и рядом жестов шаха, свидетельствовавших о его стремлении улучшить отношения с Москвой [Виноградов 2016: 20–21; Friedman 2021: 223], основания для подозрительности, о которой упоминал Громыко, были существенными. Л.И. Брежнев в феврале 1977 г. поручил только что назначенному послу В.М. Виноградову по прибытии в Тегеран задать шаху вопрос, какие причины побуждают того «покупать оружие на такие огромные суммы», если он твёрдо знает, что «СССР – никогда не нападёт на Иран» [Брежнев 2016: 757–758]. Упомянутое оружие приобреталось преимущественно у США – главного стратегического союзника страны. Данное обстоятельство, прежде всего, и предопределяло статус «настороженного добрососедства».

Личные отношения между иранским монархом и Генеральным секретарем ЦК КПСС также не отличались доверитель-

¹⁸ Ранее в номере от 1 января журнал «Тайм» поместил карту «дуги советского влияния» вокруг Ирана. См.: A Search for New Faces – And for ways to get the Shah to accept reduced powers // Time. 01.01.1979. P. 66.

¹⁹ Crescent of Crisis: Troubles Beyond Iran // Time. 15.01.1979. P. 18.

²⁰ Doc. 113. Memorandum From the President's Assistant for National Security Affairs (Brzezinski) to President Carter, Washington, February 24, 1979 // FRUS, 1977–1980. Vol. I. P. 567.

²¹ Doc. 113. Memorandum From the President's Assistant for National Security Affairs (Brzezinski) to President Carter, Washington, February 24, 1979 // FRUS, 1977–1980. Vol. I. P. 569; Doc. 196. Memorandum From the President's Assistant for National Security Affairs (Brzezinski) to President Carter, Washington, May 24, 1979 // FRUS, 1977–1980. Vol. VI. P. 564.

ностью²². В дневниковых записях Брежнев за восемнадцать лет лишь дважды упоминает Мохаммеда Реза Пехлеви. К началу революционного кризиса настороженность существенно возросла из-за серии провокаций иранских спецслужб против «исламских марксистов» [Калинин 2010: 17–18]²³, организованного властями преследования членов Народной партии Ирана («Туде») [Брутенц 1998: 292] и разгрома Службой безопасности Ирана (САВАК) советской агентурной сети. Как итог, КГБ к 1978 году «потерял большую часть своих информаторов при шахском дворе и в других иранских официальных структурах» [Asinovskiy 2022: 932–936; Friedman 2021: 6].

В начале революционного 1978 г. шахский режим в Москве воспринимался «как гарант сохранения стратегических интересов США в регионе» [Муртазаева 2012: 84–85]. У советского руководства не возникало сомнений, что американская администрация готова оказывать ему поддержку до тех пор, пока будет сохраняться возмож-

ность. Тем не менее к осени ситуация резко изменилась. Уже в августе–сентябре 1978 г. советская разведка докладывала, что «дни шаха сочтены и в стране грядут беспорядки» [Гриневский 2000: 168]. По дипломатической линии поступали сообщения, что шах и правительство пытаются «оправдать внутренние трудности действиями внешних сил, коммунистов, которые являются чужеродным элементом иранского общества»²⁴. В МИД СССР также допускали, что в случае, если в Вашингтоне решат, что шах не может более обеспечивать интересы США, то администрация будет содействовать замене режима на такую форму правления, которая позволит сохранять позиции «в этой исключительно важной со стратегической и экономической точек зрения стране»²⁵. Эти сведения не были тайной ни для Международного отдела ЦК КПСС, ни для сотрудников советского посольства в Тегеране. А. С. Черняев, в то время работавший заместителем начальника Международно-

²² Дмитрий Асиновский пишет о выдающейся доверительности отношений Л.И. Брежнева и М.Р. Пехлеви, основываясь на интерпретации записи в дневнике Генерального секретаря от 8 февраля 1977 года [Asinovskiy 2022: 933]. С нашей точки зрения, эта запись демонстрирует лишь, что Брежнев продумывал устное послание шаху и желал детально проинструктировать посла относительно того, в каком именно контексте и с какой интонацией тот должен довести позицию до собеседника. Эта запись говорит о добросовестности Генерального секретаря, подготовившего к беседе с послом, или о его желании снабдить себя памятью на случай, если во время разговора у него возникла бы необходимость уточнить инструкции. Принимая во внимание состояние его здоровья и отмечавшуюся многими современниками регулярную утрату концентрации внимания, такое предположение кажется наиболее вероятным.

²³ Иранист Е.Л. Калинин в качестве переводчика группы проектного института Кавгипротранс находился в Иране в течение трёх лет и был очевидцем событий 1978–1979 годов. В дневниках, подготовленных к печати в марте 1979 года, он отмечал, что в первые же дни революции «выяснилось, что термин “исламские марксисты” был специально выдуман саваковцами с целью одновременной компрометации деятельности исламской Организации борцов за народное дело Ирана и марксистской Организации народных партизан Ирана» [Калинин 2010: 18–19]. В историографии после «холодной войны» эти партии фигурируют соответственно как «Моджахедин-е Хальк» (Организация моджахедов иранского народа – ОМИН) и «Федаян-е Хальк» (Организация партизан-фидайинов иранского народа – ОПФИН) [Asinovskiy 2022: 932]. В справке МИД СССР от 1 ноября 1978 г. указывается, что «иранское руководство и его пропагандистский аппарат стремятся ... обвинить в разжигании беспорядков т.н. “исламских марксистов”, “инструктируемых из-за рубежа террористов” и даже коммунистов, то есть запугать союзом “чёрной и красной реакции”. Эти действия в МИД считали «прямым результатом давления, оказанного на шаха и его окружение со стороны американцев, стремящихся доказать “причастность СССР к беспорядкам в Иране”. См.: МИД СССР. ОСВ. К внутриполитическому положению в Иране. 1 ноября 1978 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 75. Д. 863. Л. 14.

²⁴ Обострение внутриполитической обстановки в Иране и положение в советских коллективах. 27 октября 1978 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 75. Д. 863. Л. 4.

²⁵ МИД СССР. ОСВ. К внутриполитическому положению в Иране. 1 ноября 1978 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 75. Д. 863. Л. 18.

го отдела ЦК, случайно встретившись в конце ноября с членом Политбюро ЦК КПСС Г. В. Романовым, на прямой вопрос: «Что в Иране будет?», не задумываясь ответил: «Наверное, скинут его [т.е. шаха. — *Авт.*] американцы. Не подходит он им уже ...»²⁶. К концу года и в аппарате резидента, и в окружении посла СССР в Тегеране были убеждены, что Соединённые Штаты не будут поддерживать «изживший себя» шахский режим, но постараются сохранить «влияние в этом стратегически важном регионе» [Кузичкин 2023²⁷: 242].

Советское руководство в русле риторики «холодной войны» изначально приветствовало революцию, покончившую «с деспотическим, угнетательским режимом, превратившим страну в объект эксплуатации и опорную базу иностранного империализма». Оно рассматривало её как доказательство наступления социализма и успеха демократических сил в борьбе против империалистического диктата [Брежнев 1979: 628]. Британский историк Джонатан Хэзлэм по этому поводу резонно заметил, что в Москве «испытывали возбуждение от того ущерба, который мог быть нанесён американским интересам. Это был первый реальный антизападный прорыв в регионе с момента Суэцкого кризиса» [Haslam 2011: 323].

Эйфория, вызванная антиамериканской направленностью протестных выступлений в Иране, в СССР длилась недолго. Новые политические реалии заставляли задуматься относительно природы сдвигов

в Иране и возможных перспектив развития революционного процесса. Не менее важным было предугадать возможный ответ администрации Картера на иранский вызов. В Москве скоро стали распространяться слухи о планах Вашингтона провести военную акцию [Haslam 2011: 323].

Растущая озабоченность советского руководства была доведена до сведения Вашингтона 17 ноября 1978 года. В послании Брежнева Картеру сообщалось, что в СССР с тревогой воспринимают факты, свидетельствующие о стремлении США «оказывать влияние» на происходящие в Иране события, и предлагалось, чтобы две сверхдержавы выступили с заявлениями о «недопустимости вмешательства извне во внутренние дела Ирана». Через день Государственный департамент от имени Вэнса сделал подобное заявление, подчеркнув тем не менее, что Вашингтон твёрдо намерен поддерживать шаха. В документе также отмечалось, что с декларацией о невмешательстве в дела Ирана выступило и правительство СССР [Добрынин 1996: 419].

Иранский кризис застал администрацию Картера врасплох, но и в Москве фактор внезапности сказывался не меньше. В конце 1978 г. в аппарате ЦК даже продвигали идею о поддержке шахского режима. Важное свидетельство на этот счёт оставил Черняев: «В Иране идёт “революция 1905 года”, мощный разворот массовой всенародной борьбы... У нас под боком. А что мы, марксисты-ленинцы, знали об

²⁶ Черняев А. Советская политика 1972–1991 гг. — взгляд изнутри. Проект. 1978 год // National Security Archive. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/25151-document-7-dnevnik-aschernyaeva-za-1978-god> (дата обращения: 24.05.2024).

²⁷ Офицер КГБ В. Кузичкин с 1977 г. состоял в штате советского посольства в Тегеране. В 1982 г. он стал перебежчиком, обосновался в Великобритании. В 1990 г. издал воспоминания (Kuzichkin V., Inside the KGB: My Life in Soviet Espionage. N.Y.: Pantheon Books, 1990. 406 p.). Бестселлером книга не стала и как источник существенной ценности не представляет. Один из руководителей ПГУ КГБ СССР, генерал-лейтенант В.И. Кирпиченко, писал, что в этой книге «не найти материалов исследовательского характера и заполнена она главным образом фактами из личной жизни Кузичкина, соответствующим образом препарированными. ... Комментировать книгу с точки зрения соотношения в ней вымысла, дезинформации и имевших место фактов бессмысленно, она этого просто не заслуживает» [Кирпиченко 2017: 318–319]. Тем не менее в параллельных источниках указывается, что приведённая в нашем тексте цитата основана на достоверных данных. В 2023 г. супруга Кузичкина переиздала мемуары мужа, дополнив их собственными воспоминаниями личного характера. Ссылка даётся по этому изданию.

этом? Догадывался ли хоть бы один человек в Советском Союзе, что может там произойти, учёный или политик?! Чего стоит вся наша наука и теория “на службе политики”! В результате мы имеем “авторитетное” мнение руководителя Отдела международной информации ЦК, объявленное через телеэкран на весь Союз: все эти события — результат происков ЦРУ, американцы-де хотели чуть-чуть погугать шаха, ставшего не очень послушным... Замятин даже записку в ЦК написал, предлагая “проводить линию поддержки стабильности в Иране” (т.е. шаха!). Суслов и Кириленко уже начертали на записке “согласен”. К счастью, события развёртывались быстрее, чем делопроизводство в аппарате ЦК... они перехлестнули эту “линию Замятина”²⁸.

События, действительно, развивались быстро. 16 января 1979 г. М.Р. Пехлеви покинул страну. 1 февраля аятолла Хомейни вернулся в Иран — власть фактически перешла к нему. 1 апреля была провозглашена Исламская Республика Иран.

В Москве и Вашингтоне в конце 1978 — начале 1979 года происходящее оценивалось преимущественно в русле судьбы шаха и его режима. В обеих столицах в тот момент роль религиозного фактора долж-

ной оценки не получила²⁹. «Кремлёвские вожди, — отмечал современный исследователь, — не могли даже предположить, что иранская революция положит начало новой эре радикального ислама, которая переживет и “холодную войну”, и Советский Союз» [Зубок 2011: 378]³⁰. Для СССР эта неподготовленность имела в значительной степени идеологическую и теоретическую природу.

Упорное нежелание на официальном уровне называть революцию «исламской»³¹ со временем вылилось в значительную проблему. Л.И. Брежнев в поздравлениях Хомейни по случаю провозглашения Исламской Республики Иран (1 апреля 1979 года), а затем с первыми годовщинами революции и образования республики, избегал словосочетания «исламская революция» [Брежнев 1981: 7, 266, 310–311]. В системе идеологических координат КПСС такое понятие отсутствовало, оно также не было разработано в категориях научного коммунизма. Мысль о признании за духовенством революционной роли казалась партийным теоретикам еретической³². Одним из прямых следствий идеологического пробела был рост враждебности новых иранских властей по отношению к СССР и закрепления за ним титула

²⁸ Черняев А. Советская политика 1972–1991 гг. — взгляд изнутри. Проект. 1979 год // National Security Archive. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/25152-document-8-dnevnik-aschernyaeva-za-1979-god> (дата обращения: 24.05.2024).

²⁹ Близкий к С. Вэнсу ведущий эксперт Демократической партии по вопросам внешней политики М. Шулман, беседуя с Добрыниным, называл сторонников Хомейни не иначе как «религиозными фанатиками», не способными справиться с внутренними трудностями Ирана. Дипломат Гриневский запечатлел не менее выразительное определение А.А. Громыко: «Фундаментализм — это крайне реакционная религия... Мракобесие» [Добрынин 1996: 418–419; Гриневский 2000: 207].

³⁰ Стоит отметить, что не только для сверхдержав события в Иране оказались внезапными. А.К. Лукоянов справедливо отмечает, что «даже для Хомейни революция стала неожиданностью, по его же признанию» [Лукоянов 2010: 13].

³¹ Вместо этого использовались термины «народная», «демократическая», «антиимпериалистическая» [Брежнев 1979: 628; Брежнев 1981: 645].

³² Лишь в 1981 г. прозвучали первые осторожные и уклончивые официальные высказывания о возможной прогрессивной роли духовенства. Л.И. Брежнев на XXVI съезде выразил уважение «к религиозным убеждениям людей, исповедующих ислам...». Он подчеркнул, что «главное в том, какие цели преследуют силы, провозглашающие те или иные лозунги», что «под знаменем ислама может развёртываться освободительная борьба <...> о чём свидетельствует опыт истории», но тот же опыт «говорит, что исламскими лозунгами оперирует и реакция, поднимающая контрреволюционные мятежи». См.: XXVI съезд Коммунистической партии Советского Союза, 23 февраля — 3 марта 1981 г. Стенографический отчет. Т. 1. М.: Политиздат, 1981. С. 30–31; [Брежнев 1981: 645–646; Ульяновский 1982].

«малого Сатаны» [Пилипенко 2014: 116]. Тем временем, согласно удачному определению Джереми Фридмана, «идеологические предписания [исламских мыслителей. — *Авт.*] строились на глубоко укоренившихся культурных и религиозных традициях, которые сформировали язык, культурный контекст и инфраструктуру, необходимый для того, чтобы достучаться до большинства иранцев» [Friedman 2021: 225].

В 1994 г. участники Нобелевского симпозиума³³ признавались, что ни у кого из причастных к принятию решений по Ирану деятелей на начальной стадии «не было глубокого понимания сути исламского фундаментализма или того, к чему он может привести». Уильям Одом, занимавший высокие позиции в аппарате СНБ, отмечал, что в правительстве США вплоть до момента свержения шаха почти никто не мог объяснить разницы между шиитами и суннитами. Тем не менее многие считали, что объективно радикальный ислам наносил ущерб американским интересам и по этой причине «в наибольшей степени служил интересам» СССР [The Intervention in Afghanistan 1996: 44–45, 50]. Показательно, что в этом пункте существенных расхождений у участников дискуссии не было. В частности, генерал Шебаршин, в 1979–1982 годы работавший резидентом КГБ в Иране, заявил: «Мы симпатизировали Хомейни и даже не столько самому Хомейни, сколько тем, кто был нам ближе идеологически и кто по духу был нам ближе с точки зрения будущих отношений Ирана с СССР и другими социалистическими странами. Сам Хомейни не сильно нас привлекал, но в его пользу говорило одно сильное качество — он был одержимым антиамериканизмом. Именно поэтому мы пытались добиться определённого взаимопонимания с ним и с его окружением. Как итог, наша пропаганда его поддерживала. Мы не произносили ни слова крити-

ки в его адрес, и сейчас я даже точно не помню, сколько прошло лет и сколько случилось неприятных инцидентов, прежде чем мы увидели и обратную сторону революции» [The Intervention in Afghanistan 1996: 40].

В XXI веке исследователи отмечали, что при разработке политического курса в отношении Ирана в СССР не было единого организующего центра. Даже в связке Политбюро — Международный отдел ЦК КПСС полного единства мнений достичь не удалось. В итоге главным консолидирующим элементом стала убеждённость, что при любом повороте событий Иран должен оставаться антиамериканским [Asinovskiy 2022: 929–930, 2024: 64; Westad 2007: 297].

Достигнутый на этой базе консенсус слегка драпировал фундаментальные различия в подходах руководителей различных ведомств и их подчинённых, нередко имевших собственное мнение по иранской ситуации. В Международном отделе, где усилиями прежде всего Р. А. Ульяновского разрабатывали концепции «некапиталистического пути развития», «социалистической ориентации» и «государства национальной демократии», пытались при помощи «творческого развития марксизма» обособить курс на поддержку Хомейни [Ульяновский 1966, 1979а, 1979б, 1982, 1984]. Вместе с тем даже внутри ведомства эти разработки не пользовались безусловной поддержкой и воспринимались с иронией, а «на подступах к Политбюро» отсутствовал какой бы то ни было форум, «где могли бы быть сопоставлены и учтены подходы различных ведомств, связанных с внешнеполитической деятельностью»³⁴ [Брутенц 1998: 173, 288, 311]. Рекомендации Отдела нередко шли вразрез с позицией МИД, за которым чаще всего оставалось решающее слово. «Смоленская-Сенная (МИД) сильнее Старой площади (Громыко

³³ К. Брутенц, А. Добрынин, Л. Шебаршин, С. Тернер, Г. Сик и У. Одом.

³⁴ Черняев А. Советская политика 1972–1991 гг. — взгляд изнутри. Проект. 1979 год // National Security Archive. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/25152-document-8-dnevnik-aschernyaeva-za-1979-god> (дата обращения: 24.05.2024).

versa Пономарёв)», — констатировал Черняев в ноябре 1978 года. Он же несколько месяцев спустя отметил, что руководитель Отдела кандидат в члены Политбюро Б.Н. Пономарёв «отодвинут Громыкой, Сусловым, Брежневым на обочину настоящей политики»³⁵.

Зная о скромных возможностях партии «Туде» [Friedman 2021: 234], наиболее влиятельные члены Политбюро — Ю.В. Андропов, А.А. Громыко и Д.Ф. Устинов — как правило, при поддержке помощника Генерального секретаря ЦК КПСС по международным делам А.М. Александрова-Агентова и самого Л.И. Брежнева предпочли руководствоваться «геополитическими соображениями времён “холодной войны”» [Asinovskiy 2022: 948, 2024: 64]. Каждый из них имел собственные, вполне обоснованные с точки зрения задач возглавляемых ими ведомств резоны³⁶. Общим же для всех знаменателем был антиамериканизм Хомейни и его сторонников. Следствием этого консенсуса стала солидарность с партией «Туде», взявшей в 1978–1982 годы курс на «консолидацию теократии в Иране» [Friedman 2018: 7–8], поддержку Хомейни и отказ от критики его режима, который продолжался вплоть до полного разгрома коммунистических партий и групп в 1983 году³⁷, а также отказ

от активного вмешательства во внутренние дела Ирана, не говоря о военной интервенции [Asinovskiy 2022: 946–947].

В феврале 1979 г. советское руководство поддержало смену режима в Тегеране. В целом к теократическим устремлениям новой власти Москва относилась с осторожностью. Преобладало мнение, что духовенство не сможет удержаться на вершине власти и со временем уступит место светским прогрессивным силам. Основанный «на сложном сочетании идеологических и геополитических соображений», консенсус руководителей СССР весной–летом получил поддержку со стороны академической науки.

В марте 1979 г. Институт востоковедения АН СССР предоставил Международному отделу ЦК КПСС предварительные результаты анализа политической обстановки в Иране. Были сделаны следующие выводы: 1) «группировка Хомейни ещё не исчерпала своих революционных возможностей»³⁸; 2) формирование платформы на принципе «ни с [империалистическим] Западом, ни с [социалистическим] Востоком» на антикоммунистической основе маловероятно³⁹; 3) существующие проблемы во внутренней и внешней политике Ирана создадут основу для «сотрудничества с социалистическим содружеством»⁴⁰.

³⁵ Черняев А. Советская политика 1972–1991 гг. — взгляд изнутри. Проект. 1978 год // National Security Archive. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/25151-document-7-dnevnik-aschernyaeva-za-1978-god> (дата обращения: 24.05.2024); Черняев А. Советская политика 1972–1991 гг. — взгляд изнутри. Проект. 1979 год // National Security Archive. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/25152-document-8-dnevnik-aschernyaeva-za-1979-god> (дата обращения: 24.05.2024).

³⁶ С незначительными нюансами и современники, и исследователи солидарны, что наиболее продуманная позиция по Ирану была у Андропова. Он был единственным человеком в руководстве страны, считавшим, что духовенству удастся консолидировать власть, но ему не всегда удавалось сдерживать своего зама В.А. Крючкова, имевшего репутацию «ястреба». В оценке событий в стране с ним чаще всего солидаризировался А.А. Громыко [Синицын: 329; Welch, Westad: 41–42]. Самым динамичным считался Д.Ф. Устинов, но после ввода советских войск в Афганистан он высказывался в пользу поощрения антиамериканизма Хомейни и минимизации с его стороны поддержки афганского сопротивления [Синицын: 258].

³⁷ Наступление на левые силы в Иране велось уже с середины 1981 года. Разгрому «Туде» значительно способствовала передача В. Кузичкиным британской разведке сведений о контактах иранских коммунистов с КГБ, что стало основанием для обвинения их в государственной измене [Asinovskiy 2022: 944–948].

³⁸ Аналитическая записка «Роль шиитского духовенства и религиозной идеологии в иранской революции 1978–1979 гг.», 28 марта 1979 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 76. Д. 1055. Л. 8.

³⁹ Там же. Л. 51.

⁴⁰ Там же. Л. 54.

Более обстоятельный документ, обобщивший результаты ситуационного анализа иранских событий, появился к концу мая. В сопроводительной записке директора института Е.М. Примакова от 1 июня 1979 года, направленной на имя секретаря ЦК К.У. Черненко, утверждалось, что внешнеполитические исламские концепции нового иранского руководства «получили объективно антиимпериалистическую», главным образом «антиамериканскую направленность»⁴¹. На этом основании делался оптимистичный вывод о получении Советским Союзом преимуществ в противостоянии с США в районе Персидского залива и улучшении перспектив расширения политического влияния в регионе. В то же время эксперты предупреждали, что Вашингтон «будет, видимо, делать больший упор на использование своих вооружённых сил, вплоть до непосредственного военного вмешательства»⁴².

Захват американского посольства в ноябре 1979 г. вызвал в Москве противоречивые чувства [Муртазаева 2012: 47]. С одной стороны, это событие подтверждало разрыв американо-иранских отношений⁴³. С другой — оно шло вразрез с дипломатической практикой и ставило вопрос, не случится ли подобного и с советским посольством⁴⁴. К тому же в Москве опасались, что начавшийся кризис будет использован американской стороной для оправдания военной операции против Ирана. Такой поворот событий был неже-

лателен с точки зрения интересов СССР. Москва предприняла формальные (в ООН) и неформальные (через контакты с Тегераном) шаги в пользу освобождения заложников⁴⁵, которые не увенчались успехом.

Точкой перелома в советско-иранских отношениях стали афганские события. Как вспоминал Виноградов, по поручению правительства он заранее встретился с аятоллой Хомейни и сообщил ему о вводе советских войск. Иранский духовный лидер воспринял сообщение спокойно, не одобрил эту акцию, но просил передать в Москву, «чтобы эти войска поскорее выполнили то, за чем они посланы, и вернулись к себе домой». Официально Тегеран ввод войск осудил, поскольку эта операция ослабляла «борьбу против американского империализма» и была «враждебной в отношении иранского народа». Часть иранской элиты, нацеленная на противостояние с СССР, участвовала в организации нападений на советское посольство в течение 1980 года, в которых использовались афганские беженцы. Первое было зафиксировано 1 января, а наиболее крупное — 27 декабря [Виноградов 2016: 107, 212; Шебаршин 2018: 121–123; Пилипенко 2014: 116]. Публично Хомейни осудил действия Москвы только в феврале 1980 года, когда провозгласил концепцию экспорта исламской революции. Вместе с тем «Доктрина Хомейни» была ответом не столько на события в Афганистане, сколько на доктрину Картера.

⁴¹ Сопроводительная записка директора Института востоковедения АН СССР Е.М. Примакова члену Политбюро ЦК КПСС, секретарю ЦК КПСС тов. К.У. Черненко, 1 июня 1979 г. // РГИА. Ф. 5. Оп. 76. Д. 1054. Л. 2.

⁴² Там же. Л. 5.

⁴³ Лидер Народной партии Ирана («Туде») Нуреддин Киянури заявлял, что «поддержка захвата [посольства] его партией была направлена на предотвращение нормализации отношений с США». См.: [Chubin 1983: 36].

⁴⁴ Информация Парламентской группы СССР о просьбе Парламентской группы США рассмотреть вопрос о снятии Группой заявления, подтверждающего недавнюю резолюцию Совета Безопасности ООН об американских заложниках в Иране, декабрь 1979 г. // РГИА. Ф. 5. Оп. 76. Д. 92. Л. 2.

⁴⁵ Doc. 130. Remarks by President Carter, Washington, November 15, 1979 // FRUS, 1977–1980. Vol. I. P. 666; Doc. 236. Telegram From the Department of State to the Embassy in the Soviet Union, Washington, December 4, 1979 // FRUS, 1977–1980. Vol. VI. P. 694–695; Doc. 83. Minutes of a National Security Council Meeting, Washington, December 4, 1979 // FRUS, 1977–1980. Volume XI. Pt. 1. Iran: Hostage Crisis, November 1979 – September 1980. P. 218.

Руководство СССР в это время фокусировалось на продвижении идеи укрепления советско-иранской дружбы и контрпропаганде, направленной против американского влияния в регионе и роста антисоветских настроений [Пилипенко 2014: 116–117]. Даже после усиления антисоветизма на фоне начавшейся ирано-иракской войны (1980–1988) и разгрома иранских левых сил в конце 1983 – начале 1984 года Москва стремилась поддерживать позитивные отношения с руководством Исламской Республики. Принимая во внимание остроту американо-иранского противостояния, СССР придерживался курса на укрепление влияния, не ставя цели смены режима.

Фактор советской угрозы на пике кризиса. Ноябрь 1979 г.

4 ноября 1979 г. американское посольство в Тегеране было захвачено вооружённой группой, объявившей себя последователями учения имама Хомейни. Это событие ускорило консолидацию сторонников консервативного антиамериканского курса, объединённых вокруг фигуры религиозного лидера, и устранение умеренного правительства Мехди Базаргана [Агаев 1986: 29–30; Воробьева, Юнгблюд 2019: 7–8]. Для Вашингтона оно стало маркером кризиса во всех смыслах: был брошен вызов и глобальной системе Запада, и образу США в мире, и региональной стратегии Соединённых Штатов⁴⁶.

Ноябрьские события в Тегеране обострили разногласия между сторонниками Бжезинского и Вэнса [Емегу 2013: 140–141]. Первые рассматривали «иранский кризис» как прямой вызов американскому доминированию и отстаивали необходимость жёсткого отпора режиму Хомейни. Вторые, разделяя опасения в отношении подрыва

американского влияния, выступали за дипломатические усилия. Президент Картер занимал промежуточную позицию [Юнгблюд, Сенников 2023b: 76], стараясь не допустить столкновения с СССР. Москва изначально заявила, что выступит против американской агрессии в Иране [Добрынин 1996: 452]. Захват посольства нанёс сокрушительный удар по внешнеполитическим воззрениям американского лидера. Оказалось, что по отношению к США мусульманский мир настроен совсем не гостеприимно и курс «благочестивого миссионерства», к которому американский руководитель был расположен, вряд ли принесёт ожидаемые результаты без применения жёстких методов [Hunt 1987: 267].

На совещании в Белом доме 6 ноября 1979 г. обсуждался вариант военной операции против Ирана. На вопрос о возможной реакции СССР Бжезинский ответил, что она будет зависеть от обстоятельств. Если операция начнётся в текущих условиях, то интервенция вызовет серьёзную оппозицию и негативную реакцию во всём мире. Если же заложники пострадают, то даже Советы «посчитают [ответные действия] нормальной [реакцией], особенно если увидят распадающийся Иран»⁴⁷. На заседании Специальной координационной комиссии⁴⁸ СНБ 8 ноября помощник президента указывал, что начало военных действий против Ирана может вынудить СССР вмешаться, и по этой причине рекомендовал ограничиться умеренной разведывательной активностью⁴⁹.

Некоторые эксперты главной причиной неблагоприятного развития событий в Иране считали «руку Москвы». Государственный департамент прямо указывал, что советская печать прилагает усилия к обострению напряжённости и оправдывает захват посольства «американским шанта-

⁴⁶ Doc. 15. Memorandum From the White House Chief of Staff (Jordan) to President Carter, Washington, November 8, 1979 // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 37.

⁴⁷ Doc. 8. Record of a National Security Council Meeting, Washington, November 6, 1979 // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 19.

⁴⁸ Подробнее о СКК см.: [Юнгблюд, Сенников 2023b: 72–73].

⁴⁹ Doc. 13. Summary of Conclusions of a Special Coordination Committee Meeting, Washington, November 8, 1979 // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 33–34.

жом Ирана»⁵⁰. В Белом доме также были сторонники такого подхода⁵¹. Американская исследовательница Бетти Глэд отмечала, что, согласно Бжезинскому, события в Иране могли представлять международный прецедент для других недружественных США режимов и были выгодны в первую очередь СССР [Glad 2009: 179]. Начало кризиса с заложниками стало отправной точкой для аппарата СНБ в подготовке «ответа на советское вторжение». Бжезинский считал, что революцию стоит рассматривать не как локальное событие, а как часть большой стратегии на региональном и глобальном уровнях⁵².

9 ноября эксперт СНБ У. Одом подготовил меморандум, посвящённый роли СССР в иранском кризисе⁵³, в котором указал на игнорирование советского фактора во время предшествующих обсуждений. В этой связи он высказал несколько ключевых тезисов относительно позиции СССР:

1) Советы стремятся воспользоваться любыми беспорядками на Ближнем и Среднем Востоке для ослабления американского влияния и усиления собственного;

2) слабость просоветских элементов в Иране (партии «Туде») вынуждает их раздувать трения, ведущие к росту советского влияния;

3) для Москвы выгодны два сценария: просоветский переворот или вторжение западных сил. В первом случае будет установлено правительство по вьетнамскому или кубинскому образцу, во втором — оправдана оккупация СССР Северного Ирана;

4) конфликт с Тегераном показывает слабость США, что будет иметь последствия для отношений с местными союзниками, странами Европы и Восточной Азии;

5) хотя Брежнев понимает, что прямое поощрение Хомейни может слишком дорого обойтись, ему выгодно оказывать поддержку этому режиму. Этот тезис подкреплялся ссылкой на Радио Тегерана, накануне сообщившее, что Брежнев и Громыко в случае заговоров поддержат Хомейни. Одом считал, что кризис надо урегулировать путём переговоров, но не дал рекомендаций, как противодействовать советскому влиянию⁵⁴.

Другой эксперт СНБ, пользовавшийся доверием Бжезинского, П. Хенце, указывал, что ситуация с заложниками играет на руку левым силам, за которыми стоит СССР, и рекомендовал установить контакты с «правыми исламистами», чтобы убедить их пойти на сотрудничество с США против Москвы⁵⁵. Доклад ЦРУ от 10 ноя-

⁵⁰ Doc. 237. Telegram From the Department of State to the Embassy in the Soviet Union, Washington, December 8, 1979 // FRUS, 1977–1980. Vol. VI. P. 696; Doc. 19. Summary of Conclusions of a Special Coordination Committee Meeting, Washington, November 10, 1979 // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 46; Doc. 23. Briefing Memorandum From the Acting Director of the Bureau of Intelligence and Research (Mark) to Secretary of State Vance, Washington, November 12, 1979 // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 52.

⁵¹ К числу сторонников такого подхода Майкл Хант причислял и самого Картера, который вследствие консервативности мышления был склонен обвинять в революционных потрясениях в Иране «наследие колониализма» и «вмешательство СССР». Непримируемость иранской стороны он связывал главным образом с личными качествами Хомейни, которого считал неуравновешенным фанатиком [Hunt 1987: 185].

⁵² Doc. 14. Record of a Special Coordination Committee Meeting, Washington, November 8, 1979 // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 35.

⁵³ Doc. 17. Memorandum From William Odom of the National Security Council Staff to the President's Assistant for National Security Affairs (Brzezinski), Washington, November 9, 1979 // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 39.

⁵⁴ Ibid. P. 39–40.

⁵⁵ Пол Хенце — кадровый разведчик. В ЦРУ считался экспертом по исламу и национальным проблемам в СССР. Пользовался поддержкой Зб. Бжезинского. См.: [Kalinovsky 2015: 211–213, 221–226]; Memorandum, Paul Henze to Zbigniew Brzezinski, "Thoughts on Iran", November 9, 1979 // JCPL. National Security Affairs, Staff Material, Middle East, Subject File, Box 30, Iran: 11/28–30/79, p. 13.

бря подтверждал участие просоветских левых группировок в захвате посольства и их вооружённое содействие удержанию здания и заложников⁵⁶. Указывалось, что военная акция против Ирана может привести к обращению к СССР с просьбой о защите и последующему вводу советских войск⁵⁷. Разведка утверждала, что советская агентура давно и успешно работает в Северном Иране и Тегеране, готовя почву для смены режима на просоветский⁵⁸.

Последний довод был использован Гэри Сиком в докладе Бжезинскому от 18 ноября о стратегии в случае смены власти в стране после смерти или смещения Хомейни: «Мы должны искать собственного преемника [Хомейни. — *Авт.*] У Советов, безусловно, будут свои кандидаты, и мы не можем позволить оставить всё на волю случая»⁵⁹. В том же докладе он рекомендовал провести военную операцию по освобождению заложников, «если вероятность спасения 75% из них составит больше 50%».

20 ноября межотраслевая группа СНБ провела ситуационный анализ положения дел в Иране и пришла к заключению, что дальнейшее развитие будет идти по одному из трёх сценариев: 1) сохранение враждебного исламского государства; 2) установление враждебного левоориентированного режима; 3) дезинтеграция и распад Ирана.

Получалось, что во всех трёх случаях главным бенефициаром становился СССР⁶⁰. Вероятность проамериканского переворота оценивалась крайне низко, поэтому из трёх зол наименее болезнен-

ным для Вашингтона считалось сохранение исламского режима с постепенным налаживанием контактов, укреплением отношений и работой над свёртыванием советско-иранских связей. На случай вторжения Москвы предлагалось «сконцентрироваться на юге» и оккупировать нефтедобывающие районы страны⁶¹.

Большое значение имел подготовленный к 20 ноября доклад ЦРУ «Ставки США в Иране», посвящённый главным образом советско-американскому противоборству за контроль над этой страной⁶². Эксперты дали три вводных утверждения: создаваемое Хомейни теократическое государство нежизнеспособно; все возможности для нормализации американо-иранских отношений уничтожены; приоритетная стратегическая цель СССР — усиление своих позиций и ослабление США. Исходя из этих допущений определялись ключевые ориентиры американской политики:

1) предотвратить рост нестабильности в Иране и/или его стремление перекрыть поставки нефти через Персидский залив (как своей, так и других государств);

2) исключить возможность вхождения Ирана в сферу влияния СССР и получения Москвой доступа к иранской нефти;

3) не допустить прямого конфликта с СССР;

4) сохранить поставки нефти на Запад⁶³.

В докладе прогнозировалось, что в первой половине 1980-х годов наряду с ростом военных возможностей в СССР будут нарастать признаки экономического упад-

⁵⁶ Doc. 18. Intelligence Cable Prepared in the Central Intelligence Agency, Washington, November 10, 1979 // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 42.

⁵⁷ Ibid. P. 43.

⁵⁸ Doc. 32. Memorandum From the Inspector General, Central Intelligence Agency (Waller) to Director of Central Intelligence Turner, Washington, November 15, 1979 // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 69, 72.

⁵⁹ Doc. 37. Memorandum From Gary Sick of the National Security Council Staff to the President's Assistant for National Security Affairs (Brzezinski), Washington, November 18, 1979 // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 87.

⁶⁰ Doc. 40. Report Prepared by the Interagency Group, Washington, November 20, 1979 // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 96.

⁶¹ Ibid. P. 97.

⁶² Doc. 50. Paper Prepared in the Central Intelligence Agency, Washington, undated // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 127.

⁶³ Ibid. P. 128.

ка. Советская экономика будет нуждаться в западных товарах первой необходимости и нефти Персидского залива. Старейшему руководству придётся передать власть молодому поколению политиков, которое, по мнению экспертов, было более готовым к агрессивному продвижению национальных целей. Получение контроля над иранской нефтью могло стать привлекательным средством решения надвигающихся проблем энергодефицита и нехватки валюты. С геополитической точки зрения захват Ирана обещал дать Москве возможность доминировать на Ближнем и Среднем Востоке и в Южной Азии и в конечном счёте лишить Запад доступа к нефти Персидского залива⁶⁴.

Составители доклада не пытались оценить вероятность вторжения СССР в Иран, но указывали, что она будет повышаться в зависимости от роста потребностей советской экономики в нефти, уровня нестабильности в ИРИ и способности политического руководства США преодолеть нерешительность и демонстрировать силу. В заключение констатировалось: «Успешная советская операция в Иране, даже если она не приведёт к прекращению поставок нефти из других стран Персидского залива, повлияет на соотношение сил почти так же решительно, как и прекращение этих поставок на длительное время»⁶⁵. Для минимизации ущерба американским интересам разведка рекомендовала усилить взаимодействие с глобальными и региональными союзниками; обеспечить защиту оставшимся нефтедобывающим странам региона, избегать военного реше-

ния конфликта с Ираном до тех пор, пока не произойдёт советское вмешательство; быть готовыми к оккупации нефтеносной части страны⁶⁶.

Пространное цитирование доклада ЦРУ необходимо потому, что он вызвал значительный интерес Бжезинского, который, как минимум, дважды обращал на него внимание президента⁶⁷. Оценки аналитиков проливают свет на причины возникновения в Вашингтоне повышенной тревожности по поводу предполагаемого вторжения СССР в Иран или установления в этой стране просоветского режима. В итоге добро на планирование силовых акций со стороны президента было получено⁶⁸.

В СНБ проводились самостоятельные исследования. По мнению Хенце, создаваемые ситуацией с заложниками возможности политического, разведывательного и пропагандистского характера не могли не использоваться советскими агентами. Он подчёркивал, что нельзя доверять «убаюкивающим словам Добрынина⁶⁹» и верить «в принцип “но-ведь-нет-доказательств”⁷⁰», когда речь идёт о советских попытках подорвать американское влияние в исламском мире. «Наоборот, — писал Хенце, — национальным интересам США лучше всего служит здоровая подозрительность, вроде реакции на вторжение Северной Кореи на Юг в 1950 году»⁷¹. Для того чтобы нейтрализовать «очернение Советами Америки» и продвигать свою повестку среди мусульман, он советовал обвинять СССР в известных или неизвестных, но потенциально возможных действиях и негативном отношении к исламу⁷².

⁶⁴ Doc. 50. Paper Prepared in the Central Intelligence Agency, Washington, undated // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 129–130.

⁶⁵ Ibid. P. 130.

⁶⁶ Ibid. P. 132–133.

⁶⁷ Ibid. P. 127.

⁶⁸ Doc. 51. Minutes of a National Security Council Meeting, Camp David, November 23, 1979 // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 136.

⁶⁹ Речь идёт о советском поселе в США в 1962–1986 гг. А. Ф. Добрынина.

⁷⁰ Так в тексте.

⁷¹ Doc. 65. Memorandum From Paul Henze of the National Security Council Staff to the President's Assistant for National Security Affairs (Brzezinski), Washington, November 27, 1979 // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 166.

⁷² Ibid. P. 167.

Практически сразу такой подход стал воплощаться в жизнь. В начале декабря Бжезинский обратил внимание президента на «неточные и вводящие в заблуждение» высказывания советских официальных лиц⁷³, что стало поводом для ультимативных посланий Государственного департамента послу А. Ф. Добрынину от 4 декабря и МИД СССР от 8 декабря⁷⁴. Кроме того, несколько ранее Картер одобрил программу ЦРУ по организации контрпропаганды [Юнгблюд, Сенников 2023b: 77]. Одновременно внешнеполитическое ведомство и лично Вэнс предпринимали усилия, чтобы заручиться поддержкой Совета Безопасности ООН в принятии резолюции о введении антииранских санкций. Государственный секретарь пытался даже получить одобрение Москвы, но Добрынин уклонился от ответа на просьбу не применять право вето в отношении американской резолюции⁷⁵.

В первой половине декабря 1979 г. американское правительство занимало выжидательную позицию. В Иране проходил референдум по поводу принятия Конституции и сохранялись надежды, что Хомейни пойдёт на мирное урегулирование ситуации с заложниками⁷⁶. Во второй половине декабря фокус сместился на обсуждение в ООН резолюции о введении санкций против Тегерана и возможного вето со стороны СССР в случае голосования по этому вопросу в Совете Безопасности⁷⁷. Хотя в это время преобладала линия «голубей», сотрудники аппарата СНБ продвигали идею ужесточения политики в отношении Хомейни, который, по их мнению, всё больше становился зависим от левых сил и Москвы⁷⁸. Картер скептически воспринимал такие оценки. 12 декабря Бжезинский затребовал у руководителя ЦРУ Стэнсфилда Тёрнера доклад с анализом советских действий в Иране и предложениями по проти-

⁷³ Doc. 80. Memorandum From the President's Assistant for National Security Affairs (Brzezinski) to President Carter, Washington, December 3, 1979 // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 200.

⁷⁴ Doc. 237. Telegram From the Department of State to the Embassy in the Soviet Union, Washington, December 8, 1979 // FRUS, 1977–1980. Vol. VI. P. 696–697; Doc. 83. Minutes of a National Security Council Meeting, Washington, December 4, 1979 // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 218.

⁷⁵ Doc. 95. Telegram From Secretary of State Vance to the Department of State and the White House, Brussels, December 13, 1979 // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 250–253. Сами США ввели финансовые и торговые санкции в отношении Ирана: «Чуйз Манхэттен банк» заморозил активы на 8 млрд долларов, было введено эмбарго на все виды торговых отношений с Исламской Республикой. США добились принятия санкционных мер государствами ЕЭС и Японией [Олимпиев, Хазанов 2015: 73–76].

⁷⁶ Doc. 46. Message From the Chargé d'Affaires in Iran (Laingen) to Secretary of State Vance, Tehran, November 22, 1979 // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 116; Memorandum From Hamilton Jordan to President Carter, Camp David, November [undated], 1979 // JCPL. Office of the Chief of Staff Files, Hamilton Jordan's Confidential Files, Iran, 11/79, Container 34b. P. 38. В конце декабря 1979 г. такие рассуждения велись в верхних эшелонах власти в Тегеране. См.: *Iranians Seek Testimony, Release of U.S. Hostages* // Washington Post, December 28, 1979.

⁷⁷ Doc. 95. Telegram From Secretary of State Vance to the Department of State and the White House, Brussels, December 13, 1979 // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 253; Doc. 102. Summary of Conclusions of a Special Coordination Committee Meeting, Washington, December 17, 1979 // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 274; Doc. 104. Summary of Conclusions of a Special Coordination Committee Meeting, Washington, December 18, 1979 // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 281; Doc. 107. Minutes of a National Security Council Meeting, Washington, December 19, 1979 // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 287; Doc. 116. Memorandum From Acting Secretary of State Christopher to President Carter, Washington, December 24, 1979 // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 304. Опираясь на статью 41 главы 7 Устава ООН, США рассчитывали на введение тотальных санкций в отношении Ирана со стороны всех стран мира. Неблагоприятная позиция СССР, а затем ввод советских войск в Афганистан привели к отказу Вашингтона от попыток провести резолюцию через ООН и односторонним санкциям в отношении Ирана.

⁷⁸ Doc. 94. Memorandum From Gary Sick of the National Security Council Staff to the President's Assistant for National Security Affairs (Brzezinski), Washington, December 12, 1979 // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 247.

востоянию им. Документ был подготовлен только через несколько дней после известий о начале советской операции в Афганистане и не содержал новой и актуальной на тот момент информации⁷⁹.

Афгано-иранский трек:

поиск ответа на советский вызов

(декабрь 1979 – март 1980)

Ввод ограниченного контингента советских войск в Афганистан 24 декабря 1979 г. сам по себе был вызовом США, который усугублялся ситуацией в Иране. СССР приближался к Персидскому заливу – региону, причисленному Вашингтоном к стратегически важным для национальной безопасности. Такое развитие событий вызвало всплеск антисоветских настроений, реанимировав традиционные для западной дипломатии разговоры о «русском экспансионизме» [Bowden 2007: 18, 301; Emery 2013: 154–155; Herring 2017: 553; Sargent 2015: 288]. Практически сразу после начала операции Вашингтон ввёл санкции в отношении Москвы. На совещании СНБ 2 января 1980 г. было решено отложить ратификацию договора ОСВ-2⁸⁰. По сути, данный шаг означал конец эпохи разрядки, хотя понимание этого пришло не сразу⁸¹.

Ситуация изменила баланс в американском руководстве [Murray 2010: 32–33]. Действия СССР требовали не только дипломатического ответа. Чаша весов ещё сильнее склонилась в сторону «ястребов». Они получили первенство в вопросах разработки планов тайных разведывательных и подрывных операций против СССР в Афганистане и на всём Ближнем и Сред-

нем Востоке. Государственный департамент на советском направлении всё чаще играл роль прикрытия этих операций. При этом на иранском направлении его полномочия увеличились, хотя и в довольно узкой области: содействию религиозному режиму в Иране в противодействии насаждению атеистического режима в Афганистане [Юнгблюд, Сенников 2023а: 27–28].

Возможности для проведения США военных операций в тот момент были ограничены, поскольку любые агрессивные действия лишили бы их морального превосходства в сравнении с СССР. Они могли быть восприняты как свидетельство сговора с Москвой о переделе сфер влияния. Как следствие, Вашингтон сделал выбор в пользу мирного разрешения кризиса с заложниками. С этой целью США устанавливали контакты как по дипломатической линии, так и через неофициальные каналы [Murray 2010: 32–33; Юнгблюд, Сенников 2023а: 28–29, 36].

2 января Бжезинский заявил: «Мы предпочитаем единый антисоветский Иран, но разделённый Иран лучше, чем единый просоветский Иран... Правление Хомейни в любом случае приведёт только к разделению страны и перевороту левых [сил]»⁸². В записке президенту от 3 января он указывал, что Москва не прислушалась к предупреждениям и вводом своих войск нарушила принцип невмешательства в дела соседнего государства, бросив вызов американским интересам в регионе. По его мнению, следовало ожидать советского вторжения в Пакистан и Иран⁸³. Этим тезисом мотивировалось предложение укреплять связи с Китаем вплоть до про-

⁷⁹ Doc. 127. Memorandum From Gary Sick of the National Security Council Staff to the President's Assistant for National Security Affairs (Brzezinski), Washington, December 30, 1979 // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 338.

⁸⁰ Doc. 245. Minutes of a Meeting of the National Security Council, Washington, January 2, 1980 // FRUS, 1969–1976. Volume XXXIII. SALT II, 1972–1980. P. 972.

⁸¹ Doc. 141. Memorandum From Hedley Donovan to President Carter, Washington, February 20, 1980 // FRUS, 1977–1980. Vol. I. P. 707.

⁸² Doc. 130. Summary of Conclusions of a Special Coordination Committee Meeting, Washington, January 2, 1980 // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 344.

⁸³ Doc. 135. Memorandum From the President's Assistant for National Security Affairs (Brzezinski) to President Carter, Washington, January 3, 1980 // FRUS, 1977–1980. Vol. I. P. 683.

даже ему вооружений ненаступательного характера. Ставка также делалась на укрепление военных контактов с Саудовской Аравией, ставшей в тот момент основным союзником США в Персидском заливе. В записке президенту, направленной сразу после ввода ограниченного контингента, Бжезинский подчёркивал, что в общественном мнении советская решительность будет противопоставляться американской сдержанности, которую «больше не будут считать благоразумной»⁸⁴.

Обращение к нации 4 января Картер посвятил советской угрозе, в первом приближении сформулировав ключевую мысль доктрины, впоследствии названной его именем. Действия СССР создают опасность южным соседям Афганистана, они служат предостережением для всех стран, включая США, их союзников и друзей, и они «не могут остаться безнаказанными»⁸⁵. Незадолго до этого Бжезинский публично обвинил Москву в пропагандистской кампании, целью которой, по его мнению, была попытка расколоть единство западных стран⁸⁶.

К 9 января Государственный департамент подготовил примерный план переговоров с иранцами, который предполагалось передать в Тегеран через посредников — Генерального секретаря ООН Курта Вальдхайма и суданского религиозного

деятеля Садика аль-Махди⁸⁷. Большинство пунктов плана касалось освобождения заложников и решения сопутствующих проблем, но в пятом разделе была прописана готовность США направить в Иран переговорную группу для обсуждения способов противодействия советской угрозе, подготовки американских рекомендаций Тегерану по возможным совместным действиям двух стран, обеспечения безопасности Персидского залива и возобновления поставок материалов военного назначения⁸⁸.

В аналитике СНБ первостепенное значение приобрела предложенная годом ранее мысль Бжезинского о «дуге нестабильности». Следуя этой логике, все региональные конфликты, где были замечены просоветские элементы⁸⁹, предлагалось решать комплексно, жёсткими методами⁹⁰. На иранском направлении проработка предложений о противодействии СССР была поручена Г. Сику — начальнику иранского отдела СНБ. Он выступал за более решительный курс в отношении режима Хомейни⁹¹.

Бжезинский не упускал из виду возможность проведения военной операции, причём не только ради спасения заложников, но и на случай столкновения с Москвой. Он требовал от подчинённых, аналитиков ЦРУ и Разведывательного управления

⁸⁴ Doc. 97. Memorandum From the President's Assistant for National Security Affairs (Brzezinski) to President Carter, Washington, December 26, 1979 FRUS, 1977–1980. Volume XII. Afghanistan. P. 265–266.

⁸⁵ Doc. 136. Address by President Carter to the Nation, Washington, January 4, 1980 // FRUS, 1977–1980. Vol. I. P. 685.

⁸⁶ Doc. 139. Editorial Note // FRUS, 1977–1980. Vol. I. P. 701.

⁸⁷ Doc. 136. Memorandum From Gary Sick of the National Security Council Staff to the President's Assistant for National Security Affairs (Brzezinski), Washington, January 9, 1980 // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 361.

⁸⁸ Doc. 137. Paper Prepared by the National Security Council Staff, Washington, undated // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 363.

⁸⁹ От Эфиопии до Афганистана.

⁹⁰ Zbigniew Brzezinski's Talking Points to the Press Editors, January 28, 1980 // JCPL. National Security Affairs. Brzezinski Material. Schechter File. Box 1. Brzezinski Briefings and Backgrounders. 1/80. P. 1–2; Doc. 137. Editorial Note // FRUS, 1977–1980. Vol. I. P. 689–690; Doc. 97. Memorandum From the President's Assistant for National Security Affairs (Brzezinski) to President Carter, Washington, December 26, 1979 // FRUS, 1977–1980. Vol. XII. P. 266.

⁹¹ Doc. 129. Memorandum From Gary Sick of the National Security Council Staff to the President's Assistant for National Security Affairs (Brzezinski), Washington, January 1, 1980 // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 340–341.

Министерства обороны США (РУМО) быть готовыми предоставить план силовых действий против Ирана или на иранской земле против советских сил⁹². Заместитель государственного секретаря Д. Ньюсом советовал любые военные приготовления Вашингтона в Индийском океане объявлять ответными на вторжение в Афганистан, дезавуируя опасения исламского режима в Тегеране⁹³.

Обстоятельный обзор вариантов реакции США на предполагаемый ввод советских войск в Иран был подготовлен СНБ 18 января⁹⁴. В нём описывались три сценария развития ситуации:

1) молниеносная эскалация и глобальный конфликт вплоть до обмена ядерными ударами — единственный вариант, при котором советские войска могли быть остановлены, но чрезвычайно высокой ценой;

2) региональный конфликт с прямым столкновением и неминуемым поражением американских войск или разделом территорий. В последнем случае речь идёт об оккупации США южного Ирана, СССР — северного;

3) стратегическое отступление и длительное наращивание сил США, предполагающее отказ от развёртывания американских сухопутных сил на Ближнем Востоке, обращение к Ираку и Пакистану с предложением оккупировать южные регионы Ирана, прикрытие союзников средствами своих ПВО. Наиболее реалистич-

ным и привлекательным был признан сценарий раздела Ирана на две части без непосредственного столкновения между двумя сверхдержавами⁹⁵.

На данном этапе планирования военная опция оставалась в поле зрения, но не считалась приоритетной, поскольку Картер надеялся на мирное разрешение кризиса с заложниками и совместное с ИРИ противодействие СССР. Президент США ограничил тайные операции разведывательными и агитационно-пропагандистскими функциями [Eizenstat 2020: 808]. Сотрудники Министерства обороны и ЦРУ негативно воспринимали такой подход, называя его «квазипацифизмом» [Becoming enemies 2012: 79–80].

Обобщающим итогом американской внешнеполитической мысли того периода стала «Доктрина Картера», оглашённая в ежегодном обращении президента «О положении страны» 23 января 1980 года [Carter 1982: 471–472]. Важное место в этом выступлении было отведено угрозе советского экспансионизма в зоне Персидского залива. Картер также призвал иранское руководство пойти на скорейшее освобождение заложников и обратиться против настоящей угрозы с севера — советских войск в Афганистане⁹⁶. Историк Амин Сайкал резонно указывал, что эта доктрина выходила далеко за рамки обычного для американской политической риторики призыва защищать национальные интересы и демократию. В ней форму-

⁹² Doc. 130. Summary of Conclusions of a Special Coordination Committee Meeting, Washington, January 2, 1980 // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 346–347; Doc. 134. Summary of Conclusions of a Special Coordination Committee Meeting, Washington, January 8, 1980 // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 357; Doc. 135. Letter From H. Ross Perot to the President's Assistant for National Security Affairs (Brzezinski), Dallas, January 8, 1980 // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 358–361; Doc. 138. Memorandum for the Record by Director of Central Intelligence Turner, Washington, January 11, 1980 // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 364–365.

⁹³ Doc. 155. Summary of Conclusions of a Special Coordination Committee Meeting, Washington, January 18, 1980 // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 408–409.

⁹⁴ Doc. 156. Memorandum From William Odom of the National Security Council Staff to the President's Assistant for National Security Affairs (Brzezinski), Washington, January 18, 1980 // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 411.

⁹⁵ Ibid. P. 412.

⁹⁶ The State of the Union Address Delivered Before a Joint Session of the Congress. January 23, 1980 // Public Papers of the Presidents of the United States, 1980–81 (Далее — Public Papers). Book 1: January 1 to May 23, 1980. Washington: US GPO, 1981. P. 194–195.

лировался гораздо более масштабный план, включавший:

1) предупреждение Москве о последствиях продвижения в сторону Персидского залива и готовности защищать этот регион вплоть до военного ядерного ответа;

2) создание концептуальной основы для пропагандистской антисоветской кампании и международной изоляции СССР;

3) образование хотя бы номинальной коалиции союзников США и сочувствующих им стран для организации освободительного исламского движения Афганистана, в том числе и в Иране;

4) поддержание антисоветской направленности политического ислама в качестве идеологии сопротивления [Saikal 2010: 129–130].

30 января Бжезинский представил Картеру развёрнутый проект американской стратегии на Ближнем и Среднем Востоке. В части, касавшейся Персидского залива и Индийского океана, он указал долгосрочные цели: обеспечение постоянного военно-морского присутствия США в регионе с перспективой наращивания наступательного потенциала, восстановление нейтралитета Афганистана, налаживание сотрудничества с Тегераном и поддержание его единства⁹⁷. Для их достижения предполагалось направить дополнительные ударные группы флота в Индийский океан, активизировать разведывательные сети в странах региона, а также вывести на новый уровень пропагандистскую антисоветскую работу в Иране⁹⁸.

27 марта, отчитываясь о внешней политике администрации перед комиссией по международным отношениям Сената, госу-

дарственный секретарь Вэнс сообщил, что действия в зоне Персидского залива и в ИРИ соответствуют общему контексту международной стратегии Вашингтона и отвечают на вызовы глобальному порядку. Он отвергал упреки в преувеличенной реакции на советские действия, указывая на рост в СССР военных расходов и невозможность объяснить вторжение в Афганистан оборонительными мотивами⁹⁹. Государственный секретарь, таким образом, обосновывал тактику комбинированного давления на Москву и призывал законодателей поддержать её. Согласно его мемуарам, он надеялся убедить членов Конгресса, прессу, а через них и некоторых членов администрации, что решать сложные проблемы следует не простым и доступным способом (военными операциями), а в комплексе [Vance 1983: 395–397].

В феврале – марте стало ясно, что лишь немногочисленные группы отодвинутого от управления духовенства и умеренных интеллектуалов выступают за активные антисоветские действия, тогда как обладавшие авторитетом и влиянием религиозные и политические фигуры были заняты борьбой за власть и не обращали внимания на американские призывы [Етегу 2013: 156–157, 166].

Колебалась и линия Картера: были заявления о необходимости мирного решения кризиса, о готовности защищать законные интересы США силой, о необходимости противодействовать советской угрозе в Юго-Западной Азии совместно с Ираном и необходимости противодействовать самому Тегерану из-за его упрямства в деле с заложниками¹⁰⁰. Поступавшие

⁹⁷ Doc. 140. Memorandum From the President's Assistant for National Security Affairs (Brzezinski) to President Carter, Washington, January 30, 1980 // FRUS, 1977–1980. Vol. I. P. 704.

⁹⁸ Doc. 140. Memorandum From the President's Assistant for National Security Affairs (Brzezinski) to President Carter, Washington, January 30, 1980 // FRUS, 1977–1980. Vol. I. P. 705–707; Doc. 148. Summary of Conclusions of a Special Coordination Committee Meeting, Washington, January 15, 1980 // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 389–391; Doc. 155. Summary of Conclusions of a Special Coordination Committee Meeting, Washington, January 18, 1980 // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 409.

⁹⁹ Doc. 142. Editorial Note // FRUS, 1977–1980. Vol. I. P. 709.

¹⁰⁰ "Soviet Invasion of Afghanistan", Address to the Nation. January 4, 1980 // Public Papers. Book 1, 1981. P. 21–22; Interview with the President: Excerpts From a Question-and-Answer Session With John Chancellor of NBC News, January 7, 1980 // Public Papers. Book 1, 1981. P. 36; Situation in Iran and Soviet Invasion of Afghanistan. Remarks at a White House Briefing for Members of Congress.

в администрацию оценки намерений и возможностей Москвы были зачастую преувеличенными, как и выводы о массовости антисоветских настроений в ИРИ¹⁰¹. Непоследовательность курса вызывала рост критики администрации и лично Картера¹⁰². Вступление 4 февраля в должность «умеренного и нейтрально настроенного»¹⁰³ президента Ирана Абольшасана Банисадра, положительно относившегося к идее дипломатического разрешения кризиса и освобождения заложников [Фёдорова 2004:

27; Carter 1982: 485], не принесло подвижек и не приблизило Вашингтон к сближению с Тегераном¹⁰⁴.

Тем временем РУМО и ЦРУ сообщали о концентрации советских войск на границе с Ираном и Турцией, то есть в Афганистане и на Кавказе¹⁰⁵. Была подготовлена карта потенциального вторжения с обозначением направлений предполагаемых ударов и сроков достижения целей наступления. Прогнозировались два прорыва из Афганистана: на Тегеран и в сторону Ормузского пролива

January 8, 1980 // Public Papers. Book 1, 1981. P. 38–42; Digest of Other White House Announcements, January 9, 1980 // Public Papers. Book 1, 1981. P. 63; White House Conference on Small Business. Remarks at the Opening Session of the Conference. January 13, 1980 // Public Papers. Book 1, 1981. P. 68–69, 72; Interview with the President. Remarks and a Question-and-Answer Session with Editors and News Directors, January 15, 1980 // Public Papers. Book 1, 1981. P. 87–88; “Meet the Press”, Interview with Bill Monroe, Carl T. Rowan, David Broder, and Judy Woodruff, January 20, 1980 // Public Papers. Book 1, 1981. P. 109, 111–113; Doc. 159. Memorandum From the White House Chief of Staff (Jordan) to President Carter, Washington, January 22, 1980 // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 419–420.

¹⁰¹ CIA Memorandum ‘A Soviet “Best Case” for Military Intervention in Iran’, 19 February 1980; Doc. 143. Memorandum From Gary Sick of the National Security Council Staff to the President’s Assistant for National Security Affairs (Brzezinski), Washington, January 12, 1980 // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 374–375; Doc. 146. Letter from the Chairman of the Senate Select Committee on Intelligence (Bayh) and the Vice Chairman of the Senate Select Committee on Intelligence (Goldwater) to President Carter, Washington, January 14, 1980 // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 384–385; Doc. 156. Memorandum From William Odom of the National Security Council Staff to the President’s Assistant for National Security Affairs (Brzezinski), Washington, January 18, 1980 // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 412; FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 427; Doc. 162. Memorandum From Gary Sick of the National Security Council Staff to the President’s Assistant for National Security Affairs (Brzezinski), Washington, January 24, 1980; Doc. 184. Handwritten Memorandum From the White House Chief of Staff (Jordan) to President Carter, Undated // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 483–486; Doc. 187. Memorandum of Conversation, Paris, February 21, 1980 // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 492.

¹⁰² Doc. 158. Memorandum From Robert Blackwill of the National Security Council Staff to the President’s Assistant for National Security Affairs (Brzezinski), Washington, January 20, 1980 // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 417; Stance on Iran Softening in Face of Soviet Threat // New York Times, January 20, 1980.

¹⁰³ Doc. 164. Memorandum of Conversation, Washington, undated // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 435. Сам Банисадр требовал от американцев не называть его умеренным или «настроенным против учеников Хомейни». См.: 175. Message From Iranian President Bani-Sadr Transmitted Through Egyptian Journalist Mohammed Heykal, Cairo, February 3, 1980 // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 460; Doc. 176. Memorandum From the White House Chief of Staff (Jordan) to President Carter, Washington, February 4, 1980 // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 461.

¹⁰⁴ Банисадр снял претензии в отношении США, касавшиеся бывшего шаха, но не его имущества. См.: 175. Message From Iranian President Bani-Sadr Transmitted Through Egyptian Journalist Mohammed Heykal, Cairo, February 3, 1980 // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 459–460.

¹⁰⁵ Doc. 174. Draft Message From the Department of State to the Swiss Ambassador to Iran (Lang), Washington, February 3, 1980 // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 457–458; Doc. 181. Memorandum From the President’s Assistant for National Security Affairs (Brzezinski) to President Carter, Washington, February 13, 1980 // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 475–476; Doc. 185. Memorandum From Jasper Welch of the National Security Council Staff to the President’s Assistant for National Security Affairs (Brzezinski), Washington, February 19, 1980 // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 488; Doc. 199. Memorandum From Gary Sick of the National Security Council Staff to the President’s Assistant for National Security Affairs (Brzezinski), Washington, March 5, 1980 // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 514.

к Бендер-Аббасу и Гвадару; два со стороны Кавказа: на Абадан и, через Тегеран, на Бушир¹⁰⁶. На решение всех задач наступления и достижение намеченных целей отводилось 20 дней. Карта была представлена Картеру с комментариями Бжезинского о невозможности без дополнительной подготовки и размещения дополнительных сил в регионе что-то противопоставить СССР. Во второй половине февраля переброска дополнительных подразделений ВМС и сил быстрого реагирования¹⁰⁷ в зону Персидского залива под предлогом ответа на советскую агрессию [Кременюк 1984: 129–130], как ранее и советовал Ньусом, действительно состоялась. Вместе с тем прикрытие тезисом о советской угрозе не спасло США от критики Тегерана.

В начале марта Банисадр через посредников сообщил американцам о желании противостоять советской угрозе и начать поддержку афганских повстанцев. В целом

приветствуя это решение, Вашингтон опасался, что такая поддержка будет раскрыта советской контрразведкой и послужит предлогом для вторжения в Иран¹⁰⁸. В вопросе о заложниках, обсуждение которого вновь приобретало затяжной характер, США не хотели давить на Тегеран, чтобы «не подталкивать его в руки Москвы»¹⁰⁹. Как итог, иранцы стали открыто выступать с критикой советского присутствия в Афганистане¹¹⁰.

К концу марта 1980 г. в администрации осознали невозможность скорого решения проблемы с заложниками¹¹¹, что стало сильным раздражающим фактором для Вашингтона¹¹². Согласие на силовые методы решения этого вопроса президент не дал, но Бжезинский распорядился, чтобы РУМО и ЦРУ при поддержке Объединённого комитета начальников штабов (ОКНШ) ускорили разработку планов секретной военной операции в Иране¹¹³.

¹⁰⁶ Doc. 181. Memorandum From the President's Assistant for National Security Affairs (Brzezinski) to President Carter, Washington, February 13, 1980 // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 477.

¹⁰⁷ На вспомогательной военно-морской базе США на острове Диего-Гарсия в Индийском океане был создан особый корпус быстрого реагирования, состоявший из 16 судов-перевозчиков, батальона морской пехоты в составе 1,8 тыс. человек, с танками и артиллерией. В течение февраля–апреля между районами Персидского залива и базой ВМС США в Норфолке, Виргиния, курсировала авианосная ударная группа во главе с авианосцем «Нимиц». См.: Rapid Deployment Forces, April 3, 1981 // Congressional Research Service. CRS Issue Brief #80027. P. 4; U.S. Navy, HM-16, and the U.S.S. Nimitz in the Arabian Sea // Iranian Hostage Rescue Attempt. Department of Defense Testimony Report, June 1980.

¹⁰⁸ Doc. 205. Paper Prepared in the National Foreign Assessment Center, Central Intelligence Agency, Washington, March 1980 // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 527, 532.

¹⁰⁹ Среди способов оказания давления на Тегеран также обсуждались идеи о морской блокаде Ирана или минировании его побережья. Такие действия вынудили бы ИРИ развернуть свои торговые маршруты на север — через СССР. См.: Doc. 210. Summary of Conclusions of a Special Coordination Committee Meeting, Washington, March 18, 1980 // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 554; Doc. 211. Memorandum From the President's Assistant for National Security Affairs (Brzezinski) to President Carter, Washington, March 18, 1980 // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 556; Doc. 213. Memorandum From Gary Sick of the National Security Council Staff to the President's Assistant for National Security Affairs (Brzezinski), Washington, March 19, 1980 // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 560; Doc. 217. Minutes of a National Security Council Meeting, Camp David, March 22, 1980 // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 581.

¹¹⁰ Doc. 212. Minutes of a National Security Council Meeting, Washington, March 18, 1980 // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 559; Iran Warns of Threat by Soviets // Washington Post, March 22, 1980.

¹¹¹ The President's News Conference of March 14, 1980 // Public Papers. Book 1. 1981. P. 490.

¹¹² Doc. 203. Editorial Note // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 520; Remarks by Telephone With the Senate Majority Leader and the Chairman of the Senate Finance Committee on Senate Approval of the Legislation. March 27, 1980 // Public Papers. Book 1. 1981. P. 543.

¹¹³ Doc. 202. Memorandum From Director of Central Intelligence Turner to the Deputy Director of Central Intelligence (Carlucci), Washington, March 10, 1980 // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 517.

Учёт фактора советской угрозы в планировании ключевых решений.

Апрель 1980 – январь 1981 года

1 апреля стало известно, что Банисадру удалось добиться от лидеров духовенства согласия на освобождение заложников¹¹⁴. Возродилась иллюзия скорого решения проблемы. Президент Картер отложил введение новых санкций против Ирана и в очередной раз приостановил проведение тайных операций¹¹⁵. Параллельно, пытаясь ослабить влияние Хомейни, ЦРУ организовало утечку ложной новости о советском секретном послании рахбару¹¹⁶, якобы призывавшем оказать сопротивление американскому давлению¹¹⁷. Если это действие и произвело эффект, то противоположный задуманному.

7 апреля аятолла Хомейни заявил, что судьбу заложников будет решать иранский парламент, выборы в который были намечены на конец апреля, а его первое собрание предполагалось не раньше середины мая. Это решение стало последней каплей в чашу терпения Картера. Он обвинил иранских лидеров в недобросовестности и политической слабости¹¹⁸, объявил о раз-

рыве дипломатических отношений и введении полного экономического эмбарго¹¹⁹, заявил о готовности США к применению «законной силы»¹²⁰ [Emery 2013: 166; Иранская революция... 1989: 389]. На заседании СНБ в тот же день обсуждались необходимые меры на иранском направлении¹²¹.

Три дня спустя, рассуждая о первоочередных действиях, Бжезинский напомнил президенту об угрозе советского вторжения. Он считал, что дальнейшая эскалация враждебности в отношениях с Тегераном провоцировала восстание против клерикального режима, которое могло «создать для Советов сильное искушение пересечь границу»¹²². С тем чтобы лишить Москву предлога, он рекомендовал сосредоточиться на небольшой спасательной операции. Идея Бжезинского была поддержана значительной частью администрации, за исключением Вэнса, который был против военных акций и выступал за переговоры. Министр обороны Г. Браун поддержал советника президента по национальной безопасности, заявив, что дипломатические меры бесполезны, контрпродуктивны и работают на советско-иранское сближение¹²³.

¹¹⁴ American Hostages in Iran. Remarks to Reporters. April 1, 1980 // Public Papers. Book 1. 1981. P. 576; American Society of Newspaper Editors Remarks and a Question-and-Answer Session at the Society's Annual Convention, April 10, 1980 // Public Papers. Book 1. 1981. P. 637.

¹¹⁵ National Intelligence Daily, Wednesday, April 2, 1980; American Hostages in Iran. Remarks to Reporters. April 1, 1980 // Public Papers. Book 1. 1981. P. 577.

¹¹⁶ В Иране высшая государственная должность религиозного лидера страны, которую в то время занимал великий аятолла Р. Хомейни.

¹¹⁷ Doc. 235. Memorandum From Gary Sick of the National Security Council Staff to the President's Deputy Assistant for National Security Affairs (Aaron), Washington, April 2, 1980 // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 621.

¹¹⁸ Interview With the President, Remarks and a Question-and-Answer Session With Editors and Broadcasters, April 11, 1980 // Public Papers. Book 1. 1981. P. 660.

¹¹⁹ Sanctions Against Iran, Remarks Announcing U.S. Actions, April 7, 1980 // Public Papers. Book 1. 1981. P. 611–612; Diplomatic Relations With Iran Memorandum From the President, April 7, 1980 // Public Papers. Book 1. 1981. P. 612; Economic Sanctions Against Iran, Executive Order 12205. April 7, 1980 // Public Papers. Book 1. 1981. P. 612–614; Economic Sanctions Against Iran Message to the Congress Reporting on the U.S. Actions, April 7, 1980 // Public Papers. Book 1. 1981. P. 614–615; Iranian Aliens, Executive Order 12206. April 7, 1980 // Public Papers. Book 1. 1981. P. 615.

¹²⁰ American Society of Newspaper Editors Remarks and a Question-and-Answer Session at the Society's Annual Convention, April 10, 1980 // Public Papers. Book 1. 1981. P. 633.

¹²¹ Doc. 245. Minutes of a National Security Council Meeting, Washington, April 7, 1980 // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 645–665.

¹²² Doc. 248. Memorandum From the President's Assistant for National Security Affairs (Brzezinski) to President Carter, Washington, April 10, 1980 // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 672.

¹²³ На заседании СНБ 11 апреля, посвящённом этому вопросу, точку зрения Государственного департамента представлял заместитель Вэнса У. Кристофер. Doc. 250. Minutes of a National Security Council Meeting, Washington, April 11, 1980 // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 677.

11 апреля Бжезинский получил доклад Хенце, в котором сообщалось, что в Закавказье идёт «неафишируемое и постоянное наращивание советских вооружённых сил для вторжения в Иран»¹²⁴. Автор доклада подверг сомнению донесения разведки об отсутствии признаков такого наращивания. Апеллируя к опыту Карибского кризиса 1962 г. и неудачным попыткам удержать шаха у власти в 1978 году, он завуалированно обвинил разведчиков в некомпетентности и предположил, что в случае силового давления Хомейни может сам обратиться за помощью к «младшему Сатане». Согласно его прогнозам, иранцы были готовы оказать яростное сопротивление американцам, но не советским силам. Из этого предположения логически вытекал вывод: «Если в Иране мы не предпримем смелые и масштабные действия, результатом станет захват Советами всей страны»¹²⁵.

С 15 апреля началась подготовка к операции по спасению заложников небольшой группой военных. Советский фактор рассматривался на заседаниях СНБ и СКК. В частности, обсуждался вопрос о противодействии пропаганде Москвы¹²⁶. 16 апреля эксперты СНБ провели мозговой штурм на тему советской угрозы Ирану¹²⁷. Несмотря на боевой настрой Бжезинского, сомнения в подготовке СССР к вторжению оставались. Прозвучал тезис, что стратегия Москвы строится на укреплении политического и идеологического влияния в стране через аффилированные организации, и в первую очередь партию «Туде». Выска-

зывалось предположение, что советского вторжения не произойдёт, если первыми вмешаются США или исламский режим не станет преследовать левых активистов. Против интервенции также говорил факт «общественного недовольства расходами на Афганскую войну».

В итоге участники совещаний достигли консенсуса о том, что СССР: а) способен развернуть необходимое количество войск; б) может сделать это под прикрытием дезинформационной кампании; в) будет учитывать внутреннюю ситуацию в Иране; г) готов рискнуть и пойти на прямое столкновение с США; д) понимает американскую готовность сопротивляться; е) принимает во внимание реакцию или её отсутствие со стороны европейских стран. Таким образом, советское руководство готово к вторжению, но не планирует его в ближайшее время. Такой прогноз был назван «мрачным»¹²⁸.

Неожиданным сдерживающим фактором для ввода советских войск на территорию ИРИ американская разведка назвала столкновения на ирано-иракской границе. В аналитической записке ЦРУ от 17 апреля отмечалось, что Москва заняла выжидательную позицию и пыталась избежать выбора стороны в конфликте, хотя и склонялась в пользу Ирана¹²⁹. Указывалось, что Советский Союз может вторгнуться только в случае разгромной победы Ирака, а в текущей ситуации делает ставку на усиление партии «Туде»¹³⁰. В качестве исключаящего вторжение аргумента приводились полученные от иранской оппозиции

¹²⁴ Doc. 252. Memorandum From Paul Henze of the National Security Council Staff to the President's Assistant for National Security Affairs (Brzezinski), Washington, April 11, 1980 // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 681.

¹²⁵ Ibid. P. 682.

¹²⁶ Doc. 254. Minutes of a National Security Council Meeting, Washington, April 15, 1980 // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 687–689.

¹²⁷ Doc. 257. Memorandum From Fritz Ermarth of the National Security Council Staff to the President's Assistant for National Security Affairs (Brzezinski), Washington, April 16, 1980 // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 692–693.

¹²⁸ Ibid. P. 694.

¹²⁹ Doc. 258. Memorandum From Marshall Bremont and Stephen Larrabee of the National Security Council Staff to the President's Assistant for National Security Affairs (Brzezinski) and the President's Deputy Assistant for National Security Affairs (Aaron), Washington, April 17, 1980 // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 695.

¹³⁰ Ibid. P. 696.

сведения, что лидер Ирака Саддам Хусейн уверен в нежелании Москвы вмешиваться в ирано-иракскую войну в случае её начала, поскольку она уже увязла в Афганистане¹³¹.

После публичных предупреждений Ирана¹³², которые остались без внимания, Картер решил на операцию по спасению заложников¹³³ [Emery 2013: 167]. Руководство миссией, вопреки желанию Бжезинского, было поручено Министерству обороны и ОКНШ [Brzezinski 1983: 495–497; Carter 1982: 510–517; Eizenstat 2020: 826–828; Jordan 1982: 241–253].

Операция «Орлиный коготь» (*Eagle Claw*) прошла в ночь с 24 на 25 апреля и завершилась провалом¹³⁴ [Кременюк 1984: 131–132; Carter 1982: 518; Eizenstat 2020: 828–832; Jordan 1982: 265–269]. Как позднее утверждал сотрудник администрации Картера Стюарт Эйзенстат, Бжезинский предполагал, что часть заложников пострадает в ходе операции. Подобный инцидент должен был стать поводом для начала полноценных боевых действий [Eizenstat 2020: 827; Glad 2009: 266]. Сам помощник президента по национальной безопасности позднее писал, что «не испытывал политических или моральных терзаний» в отношении проведения миссии. Он считал, что она обернулась парадоксальной выгодой для американской внешней политики [Brzezinski 1983: 500]. Одним из сопутствующих следствий стала отставка государ-

ственного секретаря Вэнса¹³⁵, после которой окончательно утвердилось доминирование «ястребов», а шансы на нормализацию диалога США–СССР уменьшились.

В середине мая в общении с прессой Картер подтвердил, что вариант освобождения заложников при помощи военной операции по-прежнему с повестки дня не снят и будет реализован, если они подвергнутся насилию¹³⁶. Ни выборы в иранский парламент и начало его работы в конце мая, ни утверждение первого правительства Исламской Республики летом так и не сдвинули ситуацию с места [Carter 1982: 524–525; Eizenstat 2020: 833]. Кроме того, в Соединённых Штатах полным ходом шла президентская гонка, и Картеру пришлось приложить немало усилий, чтобы вновь получить мандат на избрание от Демократической партии. Особое внимание во время кампании он уделял экспансии СССР на Ближнем и Среднем Востоке¹³⁷.

Тем временем Бжезинский нагнетал уровень антисоветских настроений, регулярно напоминая администрации и представителям СМИ, что спасителями заложников могут стать советские танки¹³⁸. В Москве неизменно отвергали подобные выпады. 16 мая на встрече министров иностранных дел СССР и США в Вене А.А. Громыко заявил, что Советский Союз выступает за мирное развитие Ирана. Он отверг попытку нового государствен-

¹³¹ Doc. 260. Intelligence Cable Prepared in the Central Intelligence Agency, Washington, April 18, 1980 // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 698–699.

¹³² Situation in Iran. The President's News Conference of April 17, 1980 // Public Papers. Book 1. 1981. P. 705, 707.

¹³³ Doc. 256. Summary of Conclusions of a Special Coordination Committee Meeting, Washington, April 16, 1980 // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 690; Doc. 261. Editorial Note // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 701.

¹³⁴ Doc. 264. Telegram From ALFA/J–2 to the Joint Task Force Intelligence Officer (Mattingly) Aboard the U.S.S. Nimitz, Washington, April 24, 1980 // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 706–707; Doc. 267. After Action Report, Washington, undated // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 728–730.

¹³⁵ Department of State. Exchange of Letters on the Resignation of Cyrus R. Vance as Secretary. April 28, 1980 // Public Papers. Book 1. 1981. P. 781–782.

¹³⁶ Philadelphia, Pennsylvania, Remarks and a Question-and-Answer Session at a Townhall Meeting at Temple University, May 9, 1980 // Public Papers. Book 1. 1981. P. 882.

¹³⁷ Doc. 147. Address by President Carter, Philadelphia, Pennsylvania, May 9, 1980 // FRUS, 1977–1980. Vol. I. P. 732, 735; Doc. 151. Address by Secretary of State Muskie, New York, July 7, 1980 // FRUS, 1977–1980. Vol. I. P. 752.

¹³⁸ Doc. 275. Summary of Conclusions of a Special Coordination Committee, Washington, May 2, 1980. // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 757.

ного секретаря Эдмунда Маски ставить вопрос о советском влиянии на иранских левых и желании с их помощью установить контроль над Тегераном¹³⁹.

Новая вооружённая акция после скандального завершения апрельской операции, несмотря на бравурные заявления Картера, была исключена: ещё один провал стал бы политическим самоубийством¹⁴⁰ [Glad 2009: 269]. Эксперты СНБ и ЦРУ отмечали усиление в Иране антисоветской пропаганды, что положительно воспринималось в Вашингтоне¹⁴¹ [Emery 2013: 171]. Между тем она уравнивалась эффективной антиамериканской агитацией про-советских группировок¹⁴².

В июле эксперты СНБ и ЦРУ подтвердили предостережения насчёт советской угрозы. Дополнительным источником тревоги стали учения советских войск на Кавказе¹⁴³. На случай предполагаемого наступления с севера были намечены встречные американские действия с юга¹⁴⁴. До конца августа опасения относительно концентрации Москвой сил для вторжения в Иран не утихали¹⁴⁵.

Во второй половине августа существенно изменился формат планирования ответа

на советский вызов. Поскольку переговоры по проблеме заложников стагнировали, фокус анализа сместился на разработку более широких политических и военных сценариев. 27 августа Э. Маски направил министру обороны и помощнику президента по национальной безопасности меморандум, содержавший комплекс предложений по координации обмена разведданными и утверждения базовой стратегии, направленной «на создание прочного чувства общих интересов» с региональными партнёрами США – Турцией, Саудовской Аравией и Египтом. Центральный пункт этой стратегии определялся «опасением, связанным с концентрацией советских сил» на иранском направлении. В том же документе говорилось о необходимости консолидации НАТО на фоне «обеспокоенности по поводу советской угрозы Ирану»¹⁴⁶.

Масштабы упомянутых опасений продемонстрировали аналитические записки, подготовленные в Государственном департаменте, Министерстве обороны и ЦРУ. Они появились в конце августа – начале сентября в связи с прошедшими на территории СССР в Закавказском военном

¹³⁹ Doc. 284. Memorandum of Conversation, Vienna, May 16, 1980 // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 778–779.

¹⁴⁰ Doc. 301. Memorandum From the Commander of the Joint Task Force (Vaught) to the Assistant to the Chairman of the Joint Chiefs of Staff (Pustay), Washington, June 24, 1980 // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 827; Interview With the President Question-and-Answer Session With Arrigo Levi of La Stampa and Sergio Telmon of RAI-TV. June 12, 1980 // Public Papers. Book 2. 1982. P. 1106.

¹⁴¹ CIA Memorandum 'Iran: Impact of Tabas Raid', April 26, 1980.

¹⁴² Doc. 292. Memorandum From Gary Sick of the National Security Council Staff to the President's Deputy Assistant for National Security Affairs (Aaron), Washington, June 5, 1980 // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 802.

¹⁴³ Doc. 337. Memorandum From Fritz Ermarth and Marshall Brement of the National Security Council Staff to the President's Assistant for National Security Affairs (Brzezinski) and the President's Deputy Assistant for National Security Affairs (Aaron), Washington, August 8, 1980 // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 898.

¹⁴⁴ Doc. 316. Memorandum From the Deputy Director for Operations, Central Intelligence Agency (McMahon) to the Commander of the Joint Task Force (Vaught), Washington, July 11, 1980 // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 853.

¹⁴⁵ Doc. 340. Memorandum From the President's Assistant for National Security Affairs (Brzezinski) to President Carter, Washington, August 13, 1980 // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 900; Doc. 343. Paper Prepared in the Central Intelligence Agency, Washington, undated // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 904–905; Doc. 346. Summary of Conclusions of a Special Coordination Committee Meeting, Washington, August 22, 1980 // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 910–911.

¹⁴⁶ Doc. 347. Memorandum From Secretary of State Muskie to Secretary of Defense Brown and the President's Assistant for National Security Affairs (Brzezinski), Washington, August 27, 1980 // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 914–915.

около военно-штабными учениями. Возможность «вторжения Советов» аксиоматично вводилась и в политические, и в военные расчёты в качестве основания для масштабных ответных мер¹⁴⁷. 22 августа на заседании СКК государственный секретарь выразил обеспокоенность, что «защита только [южной] части [Ирана] повредит политическому авторитету США во всём мире». Бжезинский поддержал этот тезис¹⁴⁸.

Дальнейшие совещания показали, что меры по защите территории этой страны предполагалось предпринять далеко за пределами Ирана. 3 сентября на заседании СКК Бжезинский заявил, что, по его мнению, США, ввиду значительного количественного и качественного перевеса советских войск, следует использовать тактику «горизонтальной эскалации», и пояснил свою мысль: «Мы могли бы закрыть Чёрное и Балтийское моря, заблокировать Мурманск и Владивосток... Советы должны осознать, что Иран не будет ограниченным конфликтом». Несколькими днями ранее в разговоре с Тёрнером в возможный план такой эскалации он предлагал включить «блокаду Кубы, минирование советской гавани в Далаке¹⁴⁹, минирование Адена, выведение из строя контингента советских ВВС в Адене и т. д.». Государственный секретарь Маски по этому поводу заметил, что «всё это похоже на Третью мировую войну»¹⁵⁰.

Воинственный настрой, возможно, объяснялся желанием администрации продемонстрировать решительность на завершающем этапе президентской кампании и вполне мог восприниматься как контур стратегической доктрины на второй срок Картера. Тем не менее реалии региональной политики вскоре скорректировали направленность инициатив США в Иране.

Начало сентября 1980 г. было отмечено интенсификацией столкновений на ирано-иракской границе. В результате обострения обстановки 17 сентября Багдад денонсировал соглашения о границе с Тегераном, а 22 сентября начал войну [Иранская революция... 1989: 396; Исламская революция в Иране... 1999: 111–112]. Вашингтон занял в конфликте нейтральную позицию¹⁵¹. С началом войны американо-иранский переговорный процесс ещё сильнее замедлился [Emery 2013: 181; Murray 2010: 34]. За стол переговоров стороны сели лишь в конце октября, а 2 ноября иранский парламент дал принципиальное согласие на освобождение заложников на ряде условий¹⁵². Итоговое их согласование продлилось вплоть до 19 января 1981 года¹⁵³. На следующий день заложники были освобождены.

В ноябре 1980 г. на президентских выборах победил Рональд Рейган. Он одолел соперника «напором обвинений в нерешительности, непоследовательности и слабости, акцентируя вялую реакцию на вторже-

¹⁴⁷ Doc. 349. Message From Joint Task Delta to 1st Special Operations Wing, 101st Airborne (Air Assault) and 1st Battalion, 75th Ranger Regiment, Washington, September 2, 1980 // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 919.

¹⁴⁸ Doc. 346. Summary of Conclusions of a Special Coordination Committee Meeting, Washington, August 22, 1980 // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 913.

¹⁴⁹ Имелся в виду архипелаг Дахлак у берегов Эритреи, где располагалась советская военно-морская база Нокра.

¹⁵⁰ Doc. 350. Memorandum From the National Intelligence Officer for Near East and South Asia (Ames) to Director of Central Intelligence Turner and the Deputy Director of Central Intelligence (Carlucci), Washington, September 3, 1980 // FRUS, 1977–1980. Vol. XI. Pt. 1. P. 922.

¹⁵¹ Doc. 302. Summary Memorandum of Conversation, New York, September 25, 1980 // FRUS, 1977–1980. Vol. VI. P. 883–884; Torrance, California, Remarks and a Question-and-Answer Session at a Town Meeting, September 22, 1980 // Public Papers. Book 2. 1982. P. 1881; Los Angeles, California, Remarks in an Interview With Reporters From Newscenter 4, KNBC—TV, September 23, 1980 // Public Papers. Book 2. 1982. P. 1890.

¹⁵² American Hostages in Iran. Statement by the White House Press Secretary, November 2, 1980 // Public Papers. Book 3. 1982. P. 2649–2650.

¹⁵³ United States-Iran Agreement on Release of the American Hostages, Message to the Congress, January 19, 1981 // Public Papers. Book 3. 1982. P. 3040–3043.

ние советских войск в Афганистан и беспомощность во время кризиса с заложниками в Иране» [Лидер на фоне эпохи 2022: 59]. Придя к власти, Рейган тем не менее сохранил значительную часть внешнеполитического наследия предшественника, придав ему более грозный вид. В первую очередь это касалось отношений с СССР как в идеологической, так и в военно-политической сфере.

* * *

На начальном этапе революции в Иране руководство США не смогло осознать масштабы и значение внутривнутриполитических процессов в этой стране. Предпринимаемые усилия по сохранению власти шаха были несвоевременными, разрозненными и малоэффективными.

Понимание произошедшего и соотнесение наметившихся в Иране качественных преобразований с собственными установками и национальными целями в Вашингтоне происходило постепенно. Доминирующими оказались две линии. Первая — на поиск выхода из сложившейся ситуации любым способом, позволявшим сохранить влияние на Тегеран и, как следствие, на весь регион. Вторая — на выявление внешнего источника проблем, под которым изначально подразумевался СССР. Фактор советского влияния учитывался на всём протяжении кризиса, вплоть до освобождения заложников в январе 1981 года. Он оказывал существенное, во многих случаях определяющее влияние на принимавшиеся Вашингтоном решения. Москва, по мнению американских аналитиков, находилась перед дилеммой — либо начать вторжение, используя для этого мощную ударную группировку, либо попытаться установить контроль над Ираном, поддерживая радикальные прокоммунистические группы. Проверенными фактами, подтверждающими эти опции, США не располагали.

Захват американского посольства в Тегеране стал, согласно определению Хомейни, «второй революцией» — поворотным моментом в истории Ирана и всей системы международных отношений. Действия

администрации Картера во время кризиса дают основания заключить, что советский фактор при принятии решений становился первостепенным даже в тех случаях, когда непосредственные события находились за рамками советско-иранских или советско-американских отношений. В частности, это наблюдение применимо к пиковой фазе кризиса с заложниками, когда решение о тайной операции было мотивировано не только стремлением освободить граждан США, но и желанием лишить Москву предложения для вмешательства.

Государственный департамент и СНБ с самого начала революции в Иране делили ответственность за разработку политического курса. Имея возможность через структуры СНБ контролировать деятельность ЦРУ и Разведывательное управление Министерства обороны, Бжезинский имел преимущества перед главой государственного департамента. После отставки Вэнса в апреле 1980 г. советник президента занял доминирующую позицию в определении решений по Ирану.

На всём протяжении кризиса США исходили из того допущения, что СССР пытался укрепить прокоммунистические силы в стране и нивелировать влияние Вашингтона. Данный тезис стал особенно популярен после ввода советских войск в Афганистан, получив дальнейшее распространение при анализе событий на ирано-афганском треке.

Потенциальная советская угроза для США оказалась более значимой, чем исламский фундаментализм. Политический потенциал режима Хомейни изначально недооценивался. Концентрация исключительно на сверхдержавном противоборстве ограничивала восприятие модернизированной версии шиизма. В нём видели силу, которую можно было использовать для сдерживания наступления Москвы в Афганистане, а в перспективе и для подрывной работы в мусульманских республиках СССР. Цельность, идеологическая самодостаточность и цивилизационная амбициозность радикального политического ислама должной оценки не получили.

Список литературы

- Агаев С.Л. Иранская революция, США и международная безопасность: 444 дня в заложниках. М.: Наука, 1986. 283 с.
- Александров-Агентов А.М. От Коллонтай до Горбачева / Под общ. ред. И. Ф. Огородниковой. М.: Международные отношения, 1994. 304 с.
- Асиновский Д. Советский Союз и революция в Иране // Россия в глобальной политике. 2018. № 5. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/sovetskij-soyuz-i-revoljucziya-v-irane/> (дата обращения: 24.05.2024).
- Брежнев Л.И. Ленинским курсом. Речи, приветствия, статьи, воспоминания. Т. 7. М.: Политиздат, 1979. 672 с.
- Брежнев Л.И. Ленинским курсом. Речи, приветствия, статьи. Т. 8. М.: Политиздат, 1981. 800 с.
- Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи: В 3 т. Т. 1. Леонид Брежнев. Рабочие и дневниковые записи. 1964–1982. М.: Историческая литература, 2016. 1264 с.
- Брутенц К.Н. Тридцать лет на Старой площади. М.: Международные отношения, 1998. 568 с.
- Виноградов В.М. Наш Ближний Восток. Записки советского посла в Египте и Иране. М.: Алисторус, 2016. 249 с.
- Воробьева Т.А., Юнгблуд В.Т. США теряют союзника на Ближнем Востоке: политика администрации Дж. Картера в отношении Ирана, 1977–1980 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. №3. 16 с. DOI: 10.18254/S207987840005469-4
- Гриневский О. Тайны советской дипломатии. М.: Вагриус, 2000. 334 с.
- Громыко А.А. Памятное: В 2 кн. Кн. 2. М.: Политиздат, 1988. 414 с.
- Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.). М.: Автор, 1996. 688 с.
- Зубок В. Неудавшаяся империя: Советский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачева. М.: РОССПЭН, 2011. 671 с.
- Иранская революция 1978–1979: Причины и уроки / Отв. ред. А. З. Арабаджян. М.: Наука, 1989. 556 с.
- Исламская революция в Иране: прошлое, настоящее, будущее / Отв. ред. Н.М. Мамедова. М.: Институт востоковедения РАН, 1999. 214 с.
- Калинин Е.Л. Исламская революция 1979 года в Иране. Записки очевидца. М.: Институт востоковедения РАН, 2010. 236 с.
- Кирпиченко В.А. Разведка: лица и личности. М.: Международные отношения, 2017. 400 с.
- Корниенко Г.М. «Холодная война»: свидетельство её участника. М.: Международные отношения, 1994. 276 с.
- Кременюк В.А. Борьба Вашингтона против революции в Иране. М.: Международные отношения, 1984. 175 с.
- Кузичкин В., Кузичкина Г. КГБ. Мифы и реальность. Воспоминания советского разведчика и его жены. М.: ЭКСМО, 2023. 448 с.
- Лидер на фоне эпохи. Традиции и новации современного политического лидерства в странах Запада / Под ред. Л.С. Окуновой. М.: МГИМО-Университет, 2022. 660 с.
- Лукоянов А.К. Исламская революция. Иран — опыт первый, 1979–2009. М.: [б.и.], 2009. 394 с.
- Муртазаева Г.Р. Иранская революция 1979 года и советско-американские отношения // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2012. Т. 17. № 2. С. 84–90.
- Олипиев А.Ю., Хазанов А.М. Международные проблемы Ближнего Востока. 1960-е — 2013 г. М.: Юнити-Дана, 2015. 351 с.
- Печатнов В.О., Манькин А.С. История внешней политики США. М.: Международные отношения, 2012. 672 с.
- Пилипенко В.В. Трансформация советско-иранских отношений после исламской революции // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2014. № 6. С. 113–118.
- Синицин И.Е. Андропов вблизи. Воспоминания о временах оттепели и застоя. М.: Центрполиграф, 2015. 512 с.
- Системная история международных отношений. События и документы 1918–2003: В 4 т. Т. 3. 1945–2003 гг. / Под ред. А.Д. Богатурова. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2003. 720 с.
- Ульяновский Р.А. Иранская революция и её особенности // Коммунист. 1982. № 10. С. 106–116.
- Ульяновский Р.А. К вопросу о специфике развития стран Востока // Народы Азии и Африки. 1979. № 5. С. 58–74.
- Ульяновский Р.А. Некоторые вопросы некапиталистического развития освободившихся стран // Коммунист. 1966. № 1. С. 108–119.

- Ульяновский Р.А. О национальной революции и революционной демократии: пути эволюции // Народы Азии и Африки. 1984. №2. С. 9–18.
- Ульяновский Р.А. О странах социалистической ориентации // Коммунист. 1979а. № 11. С. 114–123.
- Фёдорова И.Е. Иран – США: Диалог и противостояние. М.: Институт востоковедения РАН, 2004. 139 с.
- Хазанов А.М., Олимпиаев А.Ю. Советский Союз и Ближний Восток в годы холодной войны. М.: Юнити-Дана, 2017. 311 с.
- Шебаршин Л.В. Рука Москвы. Записки начальника внешней разведки. М.: Центрполиграф, 2018. 447 с.
- Юнгблюд В.Т., Ильин Д.В. Дебаты вокруг законодательства о внешней торговле США как элемент разрядки в советско-американских отношениях (1969–1979) // Международные процессы. 2023. Т. 22. №1. С. 75–99. DOI: 10.17994/IT.2023.21.1.72.7
- Юнгблюд В.Т., Сенников А.И. Курдский фактор в политике США на пике кризисов в Иране и Афганистане, 1979 – январь 1981 г. // Вестник МГИМО-Университета. 2023а. Т. 16. №5. С. 28–57. DOI: 10.24833/2071-8160-2023-5-92-28-57
- Юнгблюд В.Т., Сенников А.И. США в поисках ответа на иранский вызов: курдский кейс, ноябрь – декабрь 1979 года // Вестник Пермского университета. История. 2023б. №2. С. 70–83. DOI: 10.17072/2219-3111-2023-2-70-83
- Asinovskiy D. "A Priest does not consider the toppling of the Shah as an option": The KGB and the revolution in Iran // Iranian Studies. 2022. Vol. 55. No. 2. P. 929–953. DOI: 10.1017/irm.2022.23
- Asinovskiy D. Rostislav Ulianovskii, the Tudeh Party of Iran and Soviet attempts to set Iran on a non-capitalist path of development (1979–83) // Cold War History. 2024. Vol. 24. No. 1. P. 45–65. DOI: 10.1080/14682745.2023.2217753
- Becoming Enemies: U.S.-Iran Relations and the Iran-Iraq War, 1979–1988 / ed. by J. G. Blight. New York: Rowman & Littlefield Publishers, 2014. 408 p.
- Bowden M. Guests of the Ayatollah: The Iran Hostage Crisis: The First Battle in America's War with Militant Islam. New York: Grove Press, 2007. 704 p.
- Brzezinski Zb. Power and Principles. Memoirs of National Security Adviser 1977–1981. New York: Farrar, Straus, Giroux, 1983. 587 p.
- Carter J. Keeping Faith. Memoirs of a President. New York: Bantam Books, 1982. 622 p.
- Chubin Sh. The Soviet Union and Iran // Foreign Affairs. 1983. Vol. 61. No. 4. P. 21–49.
- Clifford C., Holbrooke R. Counsel to the President: a Memoir. New York: Anchor Books, 1991. 709 p.
- Eizenstat S. President Carter: The White House Years. New York: Thomas Dunne Books, 2020. 1056 p.
- Emery C. US Foreign Policy and the Iranian Revolution: The Cold War Dynamics of Engagement and Strategic Alliance. New York: Palgrave Macmillan, 2013. 275 p.
- Friedman J. Ripe for revolution: Building socialism for the Third World. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2021. 355 p.
- Friedman J. The Enemy of My Enemy: The Soviet Union, East Germany, and the Iranian Tudeh Party' support for Ayatollah Khomeini // Journal of Cold War Studies. 2018. Vol. 20. No. 2. P. 3–37. DOI:10.1162/jcws_a_00815
- Gaillard F. Prophet from Plains: Jimmy Carter and his legacy. Athens, Georgia: University of Georgia Press, 2007. 144 p.
- Garthoff R.L. Détente and Confrontation. American-Soviet Relations from Nixon to Reagan. Washington, D.C.: The Brookings Institution, 1985. 1147 p.
- Glad B. An Outsider in the White House: Jimmy Carter, His Advisors, and the Making of American Foreign Policy. Ithaca, New York: Cornell University Press, 2009. 414 p.
- Global Competition and the Deterioration of U.S.-Soviet Relations, 1977–1980: Transcript of the Proceedings of a Conference of Russian and U.S. Policymakers and Scholars held at Harbor Beach Resort, Fort Lauderdale, Florida, 23-26 March 1995 / ed. by. S. Savranskaya, D. A. Welsh. Providence: Center for Foreign Policy Development, Brown University, 1995. 341 p.
- Graubard S. The Presidents. The Transformation of the American Presidency from Theodore Roosevelt to George W. Bush. London: Penguin Global, 2004. 944 p.
- Haslam J. Russia's Cold War. From the October Revolution to the Fall of the Wall. New Haven: Yale University Press, 2011. 523 p.
- Herring G. The American Century and Beyond: U.S. Foreign Relations, 1893–2015. 2nd edition. New York: Oxford University Press, 2017. 768 p.
- Hunt M. Ideology and U.S. Foreign Policy. New Haven: Yale University Press, 1987. 267 p.
- Jordan H. Crisis: The Last Year of the Carter Presidency. New York: G. P. Putnam's Sons, 1982. 431 p.
- Kalinovsky A.M. Encouraging Resistance: Paul Henze, the Bennigsen school, and the crisis of détente // Reassessing Orientalism: Interlocking Orientologies During the Cold War / ed. by M. Kemper, A.M. Kalinovsky. London: Routledge, 2015. P. 211–231.

- Murray D.* US Foreign Policy and Iran: American–Iranian relations since the Islamic revolution. New York: Routledge, 2010. 272 p.
- Saikal A.* Islamism, the Iranian revolution, and the Soviet invasion of Afghanistan // *The Cambridge History of the Cold War. Volume III: Endings* / ed. by M. Leffler, O. A. Westad. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2010. P. 112–134.
- Sargent D.* A superpower transformed: the remaking of American foreign relations in the 1970s. New York: Oxford University Press, 2015. 452 p.
- Sick G.* All Fall Down: America's tragic encounter with Iran. New York: Random House, 1985. 366 p.
- Strong R.* Working in the world: Jimmy Carter and the making of American foreign policy. Baton Rouge: Louisiana State University Press, 2000. 304 p.
- The Intervention in Afghanistan and the Fall of Détente. Nobel Symposium 95. Lysebu, September 17–20, 1995 / ed. by D. A. Welch, O. A. Westad. Transcribed by S. Savranskaya. Oslo: The Norwegian Nobel Institute, 1996. 261 p.
- Vaisse J.* Zbigniew Brzezinski: America's grand strategist. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2018. 544 p.
- Vance C.* Hard Choices: Critical Years in America's Foreign Policy. New York: Simon and Schuster, 1983. 541 p.
- Westad O.A.* The Global Cold War. Third World Interventions and the Making of Our Times. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 484 p.

THE SOVIET THREAT FACTOR IN US POLICY TOWARDS IRAN DURING THE 1978–1981 CRISIS*

VALERY YUNGBLYUD

ALEXEY SENNIKOV

Vyatka State University, Kirov, 610000, Russia

Abstract

The 1978–1979 Islamic Revolution in Iran and the subsequent crisis of US–Iranian relations significantly impacted the US standing in the Middle East and damaged Washington's reputation in the Third World. The American leadership tended to blame, if not the entire situation, at least the “hand of Moscow” for its escalation. Anti-Soviet propaganda in the American media and the alarmist attitude of the US political leadership became even more pronounced after the Soviet troops entered Afghanistan at the end of December 1979. These circumstances contributed to a renewed round of bipolar confrontation and revived clichés about the “inevitability of the Soviet threat” and “natural expansionism of Russians.” Meanwhile, the Soviet leadership was interested in encouraging the Iranian authorities to pursue their anti-American course, yet it had no aggressive aspirations towards Iran. Moscow was wary of a US invasion of Iran and the proliferation of American armed forces in the Persian Gulf. Based on documents from the Russian State Archive of Modern History (RGANI), as well as available published and digitized sources from US government and intelligence agencies, the article shows that the perception of the USSR as a “threat” became an important element of the Carter administration's policy. The article substantiates the following conclusions: 1) the plans developed during the acute phase of the crisis period to repel a potential Soviet invasion of Iran extended far beyond the regional confrontation; 2) the leading role in developing the conceptual framework for crystallizing the “Soviet threat” and preparing responses belonged to Zb. Brzezinski, Presidential Adviser on National Security, who introduced the idea of hori-

* The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 22-78-10179, <https://rscf.ru/project/22-78-10179/>.

zontal (“geographical”) escalation in September 1980; 3) the US overestimated the “Soviet threat” to the detriment of Islamic fundamentalism. The political potential of the Khomeini regime, the ideological integrity, self-sufficiency and civilizational ambition of radical Islam were not adequately evaluated at this stage.

Keywords:

American-Iranian relations; Soviet Threat Factor; Iranian revolution; 1979 Hostage crisis; the Cold War; the Middle Eastern periphery of the Cold War; James Earl Carter; Zbigniew Brzezinski

References

- Agaeв S.L. (1986). *Iranskaya revolyutsiya, SShA i mezhdunarodnaya bezopasnost': 444 dnya v zalozhnikakh* [The Iranian Revolution, the United States and International Security: 444 Days in Hostage]. Moscow: Nauka. 283 p.
- Aleksandrov-Agentov A. M. (1994). *Ot Kollontai do Gorbacheva* [From Kollontai to Gorbachev]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. 304 p.
- Arabadzhyan A.Z. (ed.) (1989). *Iranskaya revolyutsiya 1978–1979: Prichiny i uroki* [Iranian Revolution 1978–1979: Causes and Lessons]. Moscow: Nauka. 556 p.
- Asinovskii D. (2018). Sovetskii Soyuz i revolyutsiya v Irane [The Soviet Union and the Revolution in Iran]. *Rossiia v global'noi politike*. Vol. 5. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/sovetskij-soyuz-i-revolycziya-v-irane/> (accessed: 24.05.2024).
- Asinovskiy D. (2022). “A Priest does not consider the toppling of the Shah as an option”: The KGB and the revolution in Iran. *Iranian Studies*. Vol. 55. No. 1. P. 929–953. DOI: 10.1017/irn.2022.23
- Asinovskiy D. (2024). Rostislav Ulianovskii, the Tudeh Party of Iran and Soviet attempts to set Iran on a non-capitalist path of development (1979–83). *Cold War History*. Vol. 24. No. 1. P. 45–65. DOI: 10.1080/14682745.2023.2217753
- Blight J.G. (ed.) (2014). *Becoming Enemies: U.S.-Iran Relations and the Iran-Iraq War, 1979–1988*. New York: Rowman & Littlefield Publishers. 408 p.
- Brezhnev L.I. (1979). *Leninskim kursom. Rechi, privetstviya, stat'i, vospominaniya. T. 7* [Lenin's course. Speeches, greetings, articles, memoirs. Vol. 7]. Moscow: Politizdat. 672 p.
- Brezhnev L.I. (1981). *Leninskim kursom. Rechi, privetstviya, stat'i. T. 8* [Lenin's course. Speeches, greetings, articles. Vol. 8]. Moscow: Politizdat. 800 p.
- Brezhnev L.I. (2016). *Rabochie i dnevnikovye zapisi. V 3-kh tomakh. Tom 1. Leonid Brezhnev. Rabochie i dnevnikovye zapisi. 1964–1982* [Work and diary entries. In 3 volumes. Volume 1. Leonid Brezhnev. Work and diary entries. 1964–1982]. Moscow: Istoricheskaya literatura, 1264 p.
- Boguturov A.D. (ed.) (2003). *Sistemnaya istoriya mezhdunarodnykh otnoshenii v chetyrekh tomakh. Sobytiya i dokumenty. 1918–2003. Tom tretii. Sobytiya. 1945–2003* [A systematic history of international Relations in four volumes. Events and documents. 1918–2003. Volume three. Events. 1945–2003]. Moscow: Nauchno-obrazovatel'nyi forum po mezhdunarodnym otnosheniyam. 720 p.
- Bowden M. (2007). *Guests of the Ayatollah: The Iran Hostage Crisis: The First Battle in America's War with Militant Islam*. New York: Grove Press. 704 p.
- Brutents K.N. (1998). *Tridtsat' let na Staroi ploshchadi* [Thirty years on the Old Square]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. 568 p.
- Brzezinski Zb. (1983). *Power and Principles. Memoirs of National Security Adviser 1977–1981*. New York: Farrar, Straus, Giroux. 587 p.
- Carter J. (1982). *Keeping Faith. Memoirs of a President*. New York: Bantam Books. 622 p.
- Chubin Sh. (1983). The Soviet Union and Iran. *Foreign Affairs*. Vol. 61. No. 4. P. 21–49.
- Clifford C., Holbrooke R. (1991). *Counsel to the President: a Memoir*. New York: Anchor Books, 709 p.
- Dobrynin A.F. (1996). *Sugubo doveritel'no. Posol v Vashingtone pri shesti prezidentakh SShA (1962–1986 gg.)* [In Confidence: Moscow's Ambassador to Six Cold War Presidents (1962–1986)]. Moscow: Avtor. 688 p.
- Eizenstat S. (2020). *President Carter: The White House Years*. New York: Thomas Dunne Books. 1056 p.
- Emery C. (2013). *US Foreign Policy and the Iranian Revolution: The Cold War Dynamics of Engagement and Strategic Alliance*. New York: Palgrave Macmillan. 275 p.
- Fedorova I.E. (2004). *Iran – SShA: Dialog i protivostoyanie* [Iran–USA: Dialogue and confrontation]. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN. 139 p.
- Friedman J. (2018). The Enemy of My Enemy: The Soviet Union, East Germany, and the Iranian Tudeh Party' support for Ayatollah Khomeini. *Journal of Cold War Studies*. Vol. 20. No. 2. P. 3–37. DOI:10.1162/jcws_a_00815

- Friedman J. (2021). *Ripe for revolution: Building socialism for the Third World*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 355 p.
- Gaillard F. (2007). *Prophet from Plains: Jimmy Carter and his legacy*. Athens, Georgia: University of Georgia Press. 144 p.
- Garthoff R.L. (1985). *Détente and Confrontation. American-Soviet Relations from Nixon to Reagan*. Washington, D.C.: The Brookings Institution. 1147 p.
- Glad B. (2009). *An Outsider in the White House: Jimmy Carter, His Advisors, and the Making of American Foreign Policy*. Ithaca, New York: Cornell University Press. 414 p.
- Graubard S. (2004). *The Presidents. The Transformation of the American Presidency from Theodore Roosevelt to George W. Bush*. London: Penguin Global. 944 p.
- Gromyko A.A. (1988) *Pamyatnoe: v 2 kn. Kn. 2* [Memorable: in 2 books. Book 2]. Moscow: Politizdat. 414 p.
- Grinevskii O. (2000). *Tainy sovetskoi diplomatii* [Secrets of Soviet diplomacy]. Moscow: Vagrius. 334 p.
- Haslam J. (2011). *Russia's Cold War. From the October Revolution to the Fall of the Wall*. New Haven: Yale University Press. 523 p.
- Herring G. (2017). *The American Century and Beyond: U.S. Foreign Relations, 1893–2015. 2nd edition*. New York: Oxford University Press. 768 p.
- Hunt M. (1987). *Ideology and U.S. Foreign Policy*. New Haven: Yale University Press. 267 p.
- Mamedova N.M. (ed.) (1999). *Islamskaya revolyutsiya v Irane: proshloe, nastoyashchee, budushchee* [Islamic Revolution in Iran: Past, Present, Future]. Moscow: Institut Vostokovedeniya RAN. 214 p.
- Jordan H. (1982). *Crisis: The Last Year of the Carter Presidency*. New York: G. P. Putnam's Sons. 431 p.
- Kalinin E.L. (2010). *Islamskaya revolyutsiya 1979 goda v Irane. Zapiski ochevidtza* [The 1979 Islamic Revolution in Iran. Eyewitness notes]. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN. 236 p.
- Kalinovsky A.M. (2015). Encouraging Resistance: Paul Henze, the Bennigsen school, and the crisis of détente. In: M. Kemper, A. M. Kalinovsky (eds) *Reassessing Orientalism: Interlocking Orientologies During the Cold War*. London: Routledge. P. 211–231.
- Khazanov A.M., Olimpiev A.Yu. (2017). *Sovetskii Soyuz i Blizhnii Vostok v gody kholodnoi voiny: monografiya* [The Soviet Union and the Middle East during the Cold War: a monograph]. Moscow: Yuniti-Dana. 311 p.
- Kirpichenko V.A. (2017). *Razvedka: litsa i lichnosti* [Intelligence: persons and personalities]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. 400 p.
- Kornienko G.M. (1994). *"Kholodnaya voina": svidetel'stvo ee uchastnika* [The Cold War: Testimony of a Participant]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. 276 p.
- Kremenyuk V.A. (1984). *Bor'ba Vashingtona protiv revolyutsii v Irane* [Washington's fight against the revolution in Iran]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. 175 p.
- Kuzichkin V., Kuzichkina G. (2023). *KGB. Mify i real'nost'. Vospominaniya sovetskogo razvedchika i ego zheny* [KGB. Myths and reality. Memoirs of a Soviet intelligence officer and his wife]. Moscow: Eksmo. 448 p.
- Lukoyanov A.K. (2009). *Islamskaya revolyutsiya. Iran – opyt pervyi, 1979–2009* [The Islamic Revolution. Iran – the first experience, 1979–2009]. Moscow: (n.p.). 394 p.
- Murray D. (2010). *US Foreign Policy and Iran: American–Iranian relations since the Islamic revolution*. New York: Routledge. 272 p.
- Murtazaeva G.R. (2012). Iranskaya revolyutsiya 1979 goda i sovetsko-amerikanskii otnosheniya [Iranian Revolution of 1979 and Soviet-American relations]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 17. No. 2. P. 84–90.
- Okuneva L.S. (ed.) (2020). *Lider na fone epokhi. Traditsii i novatsii sovremennogo politicheskogo liderstva v stranakh Zapada* [The leader against the background of the epoch. Traditions and innovations of modern political leadership in Western countries]. Moscow: MGIMO-Universitet. 660 p.
- Olimpiev A.Yu., Khazanov A.M. (2015). *Mezhdunarodnye problemy Blizhnego Vostoka. 1960-e – 2013 gg.* [International problems of the Middle East. The 1960s – 2013]. Moscow: Yuniti-Dana. 351 p.
- Pechatnov V.O., Manykin A.S. (2012). *Istoriya vneshnei politiki SShA* [The history of U.S. foreign policy.]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. 672 p.
- Pilipenko V.V. (2014). Transformatsiya sovetsko-iranskikh otnoshenii posle islamskoi revolyutsii [Transformation of Soviet-Iranian relations after the Islamic revolution]. *Vostok/Oriens. Afro-Aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'*. No. 6. P. 113–118.
- Saikal A. (2010). Islamism, the Iranian revolution, and the Soviet invasion of Afghanistan. In: M. Leffler, O. A. Westad (eds) *The Cambridge History of the Cold War. Volume III: Endings*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 112–134.

- Sargent D. (2015). *A superpower transformed: the remaking of American foreign relations in the 1970s*. New York: Oxford University Press. 452 p.
- Savranskaya S., Welsh D.A. (eds.) (1995). *Global Competition and the Deterioration of U.S.-Soviet Relations, 1977–1980: Transcript of the Proceedings of a Conference of Russian and U.S. Policymakers and Scholars held at Harbor Beach Resort, Fort Lauderdale, Florida, 23–26 March 1995*. Providence: Center for Foreign Policy Development, Brown University. 341 p.
- Shebarshin L.V. (2018). *Ruka Moskvy. Zapiski nachal'nika vneshshnei razvedki* [An Arm of a Moscow. Papers of a Chief of external Intelligence]. Moscow: Tsentrpoligrafservis. 448 p.
- Sick G. (1985). *All Fall Down: America's tragic encounter with Iran*. New York: Random House. 366 p.
- Sinitsin I.E. (2015). *Andropov vblizi. Vospominaniya o vremenakh ottepeli i zastoya* [Andropov near. Memories of the times of thaw and stagnation]. Moscow: Izdatel'stvo Tsentrpoligraf. 512 p.
- Strong R. (2000). *Working in the world: Jimmy Carter and the making of American foreign policy*. Baton Rouge: Louisiana State University Press. 304 p.
- Ul'yanovskii R.A. (1966). *Nekotorye voprosy nekapitalisticheskogo razvitiya osvobodivshikhsya stran* [Some issues of non-capitalist development of liberated countries]. *Kommunist*. No. 1. P. 108–119.
- Ul'yanovskii R.A. (1979a). O stranakh sotsialisticheskoi orientatsii [On the countries of socialist orientation]. *Kommunist*. No. 11. P. 114–123.
- Ul'yanovskii R.A. (1979b). K voprosu o spetsifike razvitiya stran Vostoka [On the question of the specifics of the development of the countries of the East]. *Narody Azii i Afriki*. No. 5. P. 58–74.
- Ul'yanovskii R.A. (1982). Iranskaya revolyutsiya i ee osobennosti [The Iranian Revolution and its features]. *Kommunist*. No. 10. P. 106–116.
- Ul'yanovskii R.A. (1984). O natsional'noi revolyutsii i revolyutsionnoi demokratii: puti evolyutsii [On the national revolution and revolutionary democracy: ways of evolution]. *Narody Azii i Afriki*. No. 2. P. 9–18.
- Vaïsse J. (2018). *Zbigniew Brzezinski: America's grand strategist*. Cambridge, MA: Harvard University Press. 544 p.
- Vance C. (1983). *Hard Choices: Critical Years in America's Foreign Policy*. New York: Simon and Schuster. 541 p.
- Vinogradov V.M. (2016). *Nash Blizhnii Vostok. Zapiski sovetskogo posla v Egipte i Irane* [Our Middle East. Notes of the Soviet Ambassador to Egypt and Iran]. Moscow: Alistorus. 249 p.
- Vorob'eva T.A., Yungblyud V.T. (2019). SShA teryayut soyuznika na Blizhnem Vostoke: politika administratsii Dzh. Kartera v otnoshenii Irana, 1977–1980 gg. [The US is Losing an Ally in the Middle East: The Policy of the J. Carter Administration towards Iran, 1977–1980]. *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal «Istoriya»*. Vol. 10. No. 3. 16 p. DOI: 10.18254/S207987840005469-4
- Welch D.A., Westad O.A. (eds) (1996). *The Intervention in Afghanistan and the Fall of Détente*. Nobel Symposium 95. Lysebu, September 17–20, 1995. Transcribed by S. Savranskaya. Oslo: The Norwegian Nobel Institute. 261 p.
- Westad O.A. (2007). *The Global Cold War. Third World Interventions and the Making of Our Times*. Cambridge: Cambridge University Press. 484 p.
- Yungblyud V.T., Il'in D.V. (2023). Debaty vokrug zakonodatel'stva o vneshnei torgovle SShA kak element razryadki v sovetsko-amerikanskikh otnosheniyakh (1969–1979) [Debate around U.S. Foreign Trade Legislation as an element of Détente in Soviet-American relations (1969–1979)]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 21. No. 1. P. 75–99. DOI: 10.17994/IT.2023.21.1.72.7
- Yungblyud V.T., Sennikov A.I. (2023a). Kurdsii faktor v politike SShA na pike krizisov v Irane i Afganistane, 1979 – yanvar' 1981 gg. [The Kurdish Movement's Factor in US Politics at the Peak of Iran and Afghanistan Crises, 1979 – January 1981]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. Vol. 16. No. 5. P. 28–57. DOI: 10.24833/2071-8160-2023-5-92-28-57
- Yungblyud V.T., Sennikov A.I. (2023b). SShA v poiskakh otveta na iranskii vyzov: kurdsii keis, noyabr' – dekabr' 1979 goda [The U.S. in search of an answer to the Iranian challenge: the Kurdish case, November–December 1979]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*. No. 2(61). P. 70–83. DOI: 10.17072/2219-3111-2023-2-70-83
- Zubok V. (2011). *Neudavshayasya imperiya: Sovetskii Soyuz v kholodnoi voine ot Stalina do Gorbacheva* [The Failed Empire: The Soviet Union in the Cold War from Stalin to Gorbachev]. Moscow: ROSSPEN. 671 p.